

• СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ДЕТЕКТИВ •

≡ ГЕОРГИЙ ПЕРСИКОВ ≡

ДБЛО

Чертовом зеркале

САМОЕ ВРЕМЯ ЧИТАТЬ РЕТРО!

Старый добрый детектив

Георгий Персигов

Дело о Чертовом зеркале

«АСТ»

2015

Персиков Г.

Дело о Чертовом зеркале / Г. Персиков — «АСТ»,
2015 — (Старый добрый детектив)

Начало XX века. Тихий провинциальный русский городок потрясают громкие преступления – из местного музея при странных обстоятельствах похищена старинная статуэтка, а несколько часов спустя на пустыре за рестораном находят убитым известного фабриканта-миллионера. Полиция, привыкшая разбирать пьяные драки да мелкие кражи, в замешательстве, и тогда к расследованию подключается молодой практикующий доктор, герой Англо-бурской войны Георгий Родин. Обладая аналитическими способностями и пытливым умом, Родин нащупывает связь между обоими преступлениями и выясняет, что их следы ведут в Крым, где, по легенде, в одной из скал несколько веков назад жестокий грабитель Ахмет-бей надежно спрятал древний артефакт невероятной разрушительной мощи.

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	25
Глава четвертая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Георгий Персиков

Дело о Чертовом зеркале

Издательство благодарит литературного агента Ирину Горюнову за содействие в приобретении прав.

© Г. Персиков

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

*Я с благодарностью посвящаю эту книгу Емельяну Чернявскому.
Спасибо, старик. Без тебя ничего бы не было. А у тебя все еще будет*

Часть первая

Глава первая

19**

Англо-бурская война

Осада Макфенинга

Буры – не самая красивая нация на свете, но Диана ван Дрейк, одна из лучших стрелков бурских партизан-коммандос, выглядела, как Мадонна с картин голландских мастеров. Когда Александр Годли с двумя эскадронами англичан окружил группу африканеров, засевшую в каменном краале в Стаде, бурские снайперы совершили вылазку и начали метко стрелять по манчестерцам.

Обеспокоенные неожиданной атакой, британцы принялись отстреливаться, не понимая, откуда их атакуют. Наконец какой-то ретивый шотландский доброволец бабахнул наугад из дробовика по кустам, как раз туда, где стрелки оборудовали передовую огневую позицию. Диану ранило дробью, несильно посекло кожу на плечах, предплечьях и кистях. Партизанам удалось отнести ее вместе с другими ранеными в хижину рыбака, где устроили временный госпиталь.

Молодой, но опытный доктор Георгий Родин, волонтер из России, не отходил от девушки. Впрочем, от других раненых он тоже не отходил... Но даже дядя девушки, Иоганн ван Дрейк, потерявший глаз, заметил, что отношение у молодого доктора к раненой красавице особенное. Да и Диана тоже привязалась к русскому крепышу, и постоянно в большой комнате, пропахшей сеном и кровью, слышался ее голос:

– Жоржи! Жоржи! – с крепким фламандским грассированием. И хотя имя месье Родина звучало немного по-другому, он все равно с радостью откликался.

Вот и в это воскресенье, сразу после утренней молитвы, доктор обходил раненых и не сразу услышал встревоженный шепот Дианы:

– Жоржи! Жоржи!

А когда обернулся, то вздрогнул: так было обезображено ужасом милое личико мадемуазель ван Дрейк.

– Британцы! И впереди сам Генри Джойс!

Родин не понял, в чем причина страха. Он улыбнулся и ответил:

– Британцы не имеют права даже переступить этот порог. Здесь висит флаг Красного Креста, и по международной...

В этот момент дверь распахнулась от удара ногой и с грохотом врезалась в стену, подняв клубы пыли. В проеме стоял крепкий сержант в песчаного цвета форме британской армии, за ним оцетинились штыками четверо солдат.

– Мятежники, – медленно и презрительно процедил сержант, не выпуская изо рта короткой трубки, – вам придется проехать с нами в лагерь концентрации. Немедленно. Взять их, ребята.

– Жоржи!.. – прошептала Диана, закрывая глаза перебинтованными руками. Из-за волнения раны открылись, и бинты закровили алыми розами.

– О, да здесь куколка, которая подстрелила старину Ричардса! Ну, с тобой будет особый разговор. Живо! Одеваться, а то потащим вас в этом тряпье!

Солдаты протопали в комнату, не опуская винтовок, но на их пути встал Родин, высокий, крепкий, в белом халате и с ослепительной улыбкой.

– Господа, – сказал он, разведя в стороны руки в миролюбивом жесте, – вы забываетесь. Это здание находится под охраной международной организации Красного...

– ..., – грязно продолжил его фразу сержант и плюнул на пол желтой от табака слюной. – Здесь, в Трансваале, вы находитесь под охраной ее величества королевы Виктории и сержанта Генри Джойса!

– Вы находитесь в полевом госпитале, и я прошу вас не плевать на пол. Даже зулусы у меня такого не позволяли! – и Родин сильным движением отвел в сторону направленные на него штыки. Солдаты растерялись. – Попрошу вас выйти вон! – строго добавил Георгий и указал на дверь.

– Поганые трусы! – взревел Джойс, распахивая своих подчиненных. – Твое дело, докторишка, – это клистирные трубки, и не тебе отдавать приказы солдатам ее величества!

– Если солдаты ее величества ведут себя как свиньи, то мое дело – вышвырнуть их из больницы, защищенной международным Красным Крестом! А я – подданный его величества российского императора, и не потерплю издевательств над ранеными!

Диана ахнула, закрыв лицо руками. Но Родин этого не видел, он уже давно находился в великолепной эйфории схватки. Джойс швырнул в сторону винтовку, ее сразу подхватил малорослый рыжий капрал.

– Будь ты поганим африканером, я бы проколол тебя штыком, как свинью! – криво ухмыльнулся Джойс. – А так просто поучу русского медведя вежливости.

И он стал в боксерскую стойку.

– Жоржи, это лучший нокаутер во всем британском гарнизоне! – прошептала Диана. Она приподнялась с кровати. – Ты не должен рисковать ради нас.

– Ничего, – улыбнулся Родин, закатывая рукава.

– Нет. Я этого не стою. Отойди, Жоржи, я отправлюсь с этими мерзавцами...

– Отправишься! – заорал Джойс. – Только после того, как я выколочу пыль из этого хлыща!

И Джойс нанес почти невидимый, такой он был быстрый, удар в лицо Родину. Но Георгий отклонился совсем чуть-чуть, достаточно лишь для того, чтобы кулак просвистел мимо, и сам ударил в ответ. Он двигался медленнее сержанта, и тот успел закрыть голову локтем, да только без толку. С шумом хрястнула сломанная рука, запрокинулась в сторону голова, и Джойс отлетел в сторону, сбив с ног двух солдат.

– Вот это удар... – прошептал третий англичанин, которому посчастливилось стоять чуть в стороне.

Джойс вскочил, из разбитых губ текла кровь.

– Я тебя...

– Енюша! Енюша, вставай! – Георгия трясла сухонькая, но на удивление крепкая старушечья рука. – Вставай, пациент к тебе. Ванюшка Гусев пришел, вставай, срочное что-то! Чегой-то дергался ты, милоч, точно как мой старик... Поди опять война привиделась?

Родин мгновенно проснулся. Тягостные военные воспоминания, которые часто посещали его во снах, стали постепенно меркнуть.

*19** год*

г. Старокузнецк

Днем раньше

В свете лампы сверкнуло лезвие топора.

– Ну, так что, любезный? Ночь долгая. Слышать нас никто не услышит. А спрашивать я умею. Школу хорошую прошел. Так потом разговоритесь, что силой затыкать придется.

Ночь – не лучшее время для прогулок в Старокузнецке. Потому ночью порядочные горожане сидят по домам, разве только самые общительные сидят в Английском клубе или Дворянском собрании, а иные, не столь духовно богатые, – веселятся в ресторанах «Монмартр» или «Олимпия». Но чтобы отправиться в такой глухой район города, как Чемодановка, нужно быть или отчаянным, или сумасшедшим. Глухой лес, кладбище без церкви (храм недавно сгорел, после того как в него попала молния) и много жутких историй про призраков.

Именно тут и выстроил свою усадьбу знаменитый на всю Россию промышленник и миллионер Стрыльников. И неспроста.

Прошлое у него самого было темное. Сам местный, старокузнецкий, да вырос сиротой, в приюте воспитывался. Все знали, что по молодости – по глупости, лет семнадцати, получил он десять лет каторги, не то за разбой, а не то и вовсе за смертоубийство. Оттуда, говорили, бежал, а после подрабился в старательскую артель на Приамурские прииски и спустя семь лет вернулся сказочно богатым. Стал сорить деньгами направо и налево, выстроил себе дворец, уменьшенную копию Версаля с фонтаном, павлинами и всяко-разными экзотическими тварями из Индии и Африки, организовал две мануфактуры, пушную и суконную, а от своего дома до конторы проложил железную дорогу и паровоз с одним роскошным вагоном из Англии выписал. В вагоне у него кабинет, мягкие диваны итальянской кожи и даже новомодный фаянсовый ватерклозет по особому заказу из Нью-Йорка!

А еще Стрыльников купил за бесценок где-то в Таврической губернии десять тысяч десятин голых скал, у какого-то разорившегося татарского князя. Остались там еще со времен Крымского ханства на самой высоченной скале развалины крепости под названием Шайтан-Кале. Вот затеял их фабрикант восстанавливать и построить там роскошный отель с видом на море. Это, говорят, многие до него пробовали, только ничего не вышло. Хотя и красиво там, но и опасно чертовски, оттого так крепость-то и назвали: шайтан – это черт по-нашему. Ну вот и Стрыльников решил счастья попытать, говорит: сам черт мне не брат, поймаю его за хвост да заставлю денежки приносить.

И если бы сейчас нашелся смельчак, что заглянул бы в светящиеся окна усадьбы Стрыльникова, то даже у него сердце покрылось бы зябкой моросью.

Перед огромным фабрикантом сидели на полу двое крымских татар: совсем дряхлый старик в тюбетейке и красивая девушка с длинными черными косами. Руки у них были связаны за спиной.

– Повторяю в последний раз, – с радостной улыбкой пророкотал Стрыльников. – Тайну «Зеркала шайтана»! Или я начинаю вас рубить на куски!

Он многозначительно посмотрел на огромный мясницкий топор, что лежал перед ним на столе.

– Сокровища похоронены в Черных скалах вместе с разбойником Ахмет-беем, и лучше их не тревожить, – с такой же улыбкой отвечал старик. Было непонятно, кто из них больше хочет, чтобы пролилась кровь. – Там же лежит и проклятое пророком Мухаммедом (благославит и приветствует его Аллах) «Зеркало шайтана». Оно несет только смерть и разрушение и потому спрятано среди скал!

– Хорошо, – улыбнулся Стрыльников, взяв в руки топор. – Осталось только понять, с кого же мы начнем. – Он задумался, пробуя сбрызнуть густую шерсть с руки остро отточенным лезвием. – Ты, старик, пожалуй, и так лет десять как лишку на белом свете живешь, а вот внучке твоей, пожалуй, без рук, без ног будет радости мало.

Он взмахнул топором, но задержал его в воздухе.

– Наш род хранил тайну «Зеркала» пятьсот лет, – сказал старик, снова улыбаясь. – Нас готовили к этому. И меня. И ее. Аллах встретит нас на небесах как героев. Руби, вор, и...

Тогда Стрыльников сильно ударил ладонью старика по губам и с радостью услышал, как взвизгнула девушка и закричала по-татарски. Старик упал, из разбитых губ на паркет потекла черная кровь.

– Говори, малышка, – ухмыльнулся он. – Говори.

– Обещайте, что не тронете дедушку.

– Обещаю.

– Обещайте, что отпустите нас, когда я все расскажу.

– Обещаю.

– Вот карта, – девушка сорвала с шеи кожаный шнурок с кошелечком, где мусульмане обычно носят вшитые суры. – Карта с секретом, мы его сами не знаем. Чтобы найти «Зеркало», нужны еще два элемента: фигурка золотого витязя, который укажет на место, где сокрыт клад, и золотой ключ, который откроет пещеру. Но фигурка и ключ давно утеряны, и без них вы ничего не найдете!

– Кто еще это знает? – спросил Стрыльников, откладывая в сторону топор.

– Только четыре человека в мире, – продолжала тараторить девушка, немного успокаиваясь. – Историк Иван Гусев, его опекун профессор Смородинов и товарищ доктор Родин: они у нас год назад раскопки проводили, а еще английский путешественник лорд Мак-Роберт, который жил у нас несколько лет.

– А теперь еще и я, – улыбнулся Стрыльников, развязывая руки старика. – И вас двое.

– Да, – девушка уже улыбалась, пытаясь привстать.

– Один еретик английский, четверо православных со мной, да вы – двое нехристей, – так же радостно продолжал Стрыльников, ставя старика на ноги, – итого пять да два – семь.

– Да, семь, – девушка уже почти смеялась. Она радовалась, что скоро их отпустят на свободу и она снова увидит родные крымские скалы.

– Пять, – вдруг сказал Стрыльников не радостным, а хищным, резким голосом.

Он не любил револьвер и с молниеносной скоростью ударил обоих двумя огромными охотничьими ножами, которые всегда носил на поясе. Тела еще не успели упасть, а миллионер уже крикнул:

– Эй, Франц! Срочно привези ко мне этого сушеного гриба Смородинова. Он живет на Введенской в доходном доме этой старой немки. Ему жить осталось две седмицы, поди быстро заговорит. Не то что этот нехристь. Ну а ежели будет молчать – примемся за Гусева с Родиным. – Он с хрустом потянулся. – А еще прикажи, чтобы подали дров. Надо избавиться от этого мяса.

А потом фабрикант ловко разорвал черный гайтан и развернул пергамент, на котором была выжжена карта скал Шайтана.

Если бы иной смельчак и в этот момент смотрел в окна особняка Стрыльникова, он бы упал со страху, услышав демонический раскатистый смех фабриканта и увидев, как он снова взял в руки топор.

* * *

Родин быстро, по-военному одевался, поглядывая на себя в большое зеркало. Он не любил немецкую аккуратность, равно как и английский лоск, и ценил одежду, в которой ему было удобно: просторную сорочку, френч, черные, военного покроя, брюки и сапоги. Няня Клавдия Васильевна уже привыкла к самостоятельности барина и даже не помогала, а просто стояла рядом и совсем не по-старушечьи докладывала:

– Ванюша-то Гусев, бледный, сам на себя не похож. Аж хфизионому всю перекосило. Дэнис-то, ну он так отчима называет, ну Денис Трофимович... не то под лошадь попал, не то с чердака кувыркнулся...

– Переломы? – Родин затянул галстух, потом решил, что это лишнее, сорвал его и швырнул в угол.

– Не говорит он, касатик. Что ж, приказать коляску запречь? Ванюшка-то пешками прибежал, весь в мыле. До дома-то их далёко будет. Али верхи поедете?

– Время дорого, – ответил Георгий, хватая одну из своих тростей. Без нее он не выходил из дому, и это уже давно сделалось привычкой. – Оседлайте наскоро Ланцета и Иволгу!

Старушка быстро засемила из комнаты, освещая себе путь керосиновой лампой.

– Евдоким! Седлай Ланцета с Иволгой! Господа верхи поскачут! Да скорей!

Родин быстро спустился по лестнице и обнял своего друга детства – Ивана Гусева. Увы, как часто бывает в жизни, их дорожки разошлись. Отец Георгия, провизор Иван Родин, купил дом в центре Старокузнецка с аптекой на первом этаже. Ваню же, после того как в горах разбился его отец, взял к себе Денис Смородинов и стал его опекуном. Вечному аспиранту наконец удалось защитить диссертацию и стать приват-доцентом.

Шло время, и бывшие друзья стали жить каждый своей жизнью, изредка общаясь на заседаниях Английского клуба или на торжествах в Городском краеведческом музее. Тем не менее обоим удалось сохранить с детства любовь к приключениям, только каждый воплощал ее по-своему. В двадцать лет Родин отправился на Англо-бурскую войну в составе русского санитарного отряда, где сшивал, бинтовал, ампутировал; а Гусев не вылезал из экспедиций по территории бывшего Крымского ханства: от Перекопа до Балаклавы он копал, записывал, собирал информацию о таинственном «Зеркале шайтана», которое так и не удалось найти отцу. Зато год назад они оба поучаствовали в раскопках (правда, Георгий с его бешеной натурой долго не вытерпел).

– Идем, Ваня, идем, – сказал Родин, указывая приятелю на дверь. Евдоким уже выводил под уздцы лошадей. – Что с лицом-то? Пчела, что ли, ужалила?

– Да жуб. Жуб мучает! – прошипел в ответ Гусев.

– А случилось-то что?

– Да Дэнис упал с лестницы, – попытался справиться с болью Иван. – Поехал к нашему миллионеру Стрыльникову давать какую-то консультацию насчет карты... Стрыльников где-то купил древнюю карту... А потом поехал в университет и там на лестнице и упал... Расшибся сильно.

– Так... В больницу надо везти. Давай прямо сейчас...

– Нет! Нельзя его в больницу! – Иван снова болезненно скривился и потер свой огромный флюс.

– Ну, если серьезная травма, то лучше стационарно... Хотя можно и дома... Хорошо, сейчас осмотрим...

– Нет, ты не понимаешь! Он должен стоять на ногах уже завтра! Черт побери, у нас тут такое завертелось! Мы же продолжали проводить раскопки у Судака... с которых ты удрал... и отыскиали «Золотого витязя» Ахмет-бея!

– Ну я про него слышал, вы ж говорили. Это хорошо?

– Очень! Это небольшая позолоченная статуэтка, талисман Ахмет-бея, который он всегда возил с собой. Отец считал, что это один из ключей, без которых в сокровищницу не попасть! Копали почти полтора года! И вот нашли! – Иван победно выкинул в воздух сжатый кулак.

– Как это ключ?

– Ну... долго объяснять. Сокровищница спрятана высоко среди крымских скал. И без карты и ключей попасть туда невозможно. Эти знания, как ты знаешь, оплачены жизнью моего отца, царствие ему небесное. И одним из ключей, если верить преданию, является статуэтка витязя. Ее надо поставить в определенное время в определенное место. Тогда станет ясно, где именно находится секретный ход среди скал.

– Но что это за место – пока неизвестно? – улыбнулся Родин.

– К сожалению, нет, – горестно кивнул Иван. – Но, имея ключи, куда проще найти дверь, так ведь?

Они подошли к оседланным лошадям и ждали, пока Евдоким откроет ворота.

– А почему завтра Денис Трофимович должен быть на ногах? – вспомнил Родин.

– Так завтра мы представляем «Витязя» в музее! Весь город соберется! Из Петербурга приезжают! Будут даже англичане! Это сенсация, раздери ее черт! И как назло, я застудился, у меня вырос этот идиотский флюс! Но я-то ладно... Я не люблю все эти публичные кунштюки, я бы и без флюса сидел в каптерке! А вот Дэнис... для него это выставка всей жизни, он о ней так мечтал... Если ее проведет не он лично, а директор музея, старик просто зачахнет.

– Ну... попробуем... – протянул Родин. Няня принесла ему докторский саквояж, и он быстро перебрал своими длинными музыкальными пальцами необходимые медикаменты. – Возможно, наложим гипс, шину. В крайнем случае, можно взять в аренду инвалидное кресло у Шаца...

– Не хотелось бы брать кресло, – замялся Иван. – Дело в том, что завтра на открытие нашего экспоната приезжает знаменитый английский путешественник, лорд Мак-Роберт...

– Тот самый?! – удивленно поднял брови Родин. Они с Иваном в детстве до дыр зачитали все книги прославленного охотника за приключениями.

– Тот самый, только уже совсем старенький, – кивнул Гусев. – На самом деле он совершал что-то вроде тура по России, и Дэнис перехватил его агента и буквально на коленях умолил приехать. Так вот, у лорда Мак-Роберта уже три года, как парализованы ноги, и он передвигается только на инвалидной коляске.

За несколько дней до настоящих событий

Поздним весенним вечером на пароходе «Король Генрих V», следующем рейсом Ливерпуль – Санкт-Петербург, зажглись сигнальные огни. До порта прибытия оставалось еще несколько десятков миль.

В каюте первого класса за столом, сервированном легкими закусками, крекерами и маленькими пирожными, сидели два джентльмена. Одному на вид было лет сорок, другой же находился уже в преклонных летах. Молодой был одет в дорожный френч, пожилой, как видно уроженец высокогорья Шотландии, предпочитал национальный костюм своей родины. Ноги почтенного старца были прикрыты темным клетчатым пледом, и сидел он в инвалидном кресле, колеса которого слегка поскрипывали в такт покачивающемуся на волнах кораблю. Кроме этих двух джентльменов в каюте находился еще один человек, в сюртуке просторного кроя и ослепительно белых перчатках – крепкий рыжеволосый молодой мужчина, судя по всему, ирландец. Он разливал чай из большого фарфорового чайника.

– Однако, сэр Рональд, в нашей каюте собралась вся великая Британская империя. Не хватает только уэльсца, – улыбнулся старик.

– Ну и слава богу. Я, знаете ли, их немного недолюбляю. Слишком много поют и слишком мало работают, – ответил мужчина во френче.

Старик сухо засмеялся:

– Ни в одной империи народы не относятся друг к другу с такой нежностью, как у нас.

– Не скажите, лорд. В той империи, куда мы с вами направляемся, ситуация ненамного отличается от нашей. Таков удел всех империй, народы которых были объединены силой оружия, а не общей идеей. Впрочем, мы отвлеклись от главной темы.

– Да-да. Может, немного виски? Лучшее шотландское односолодовое из погребов моего кузена, я велю Хью...

– О, с удовольствием, сэр, благодарю вас. – Молодой джентльмен улыбнулся, подождал, пока слуга лорда принесет ему небольшой стаканчик, на две трети наполненный виски, немного отпил и продолжил: – Так вот, не мне вам объяснять, что сегодня корона как никогда

нуждается в деньгах. Кайзер возомнил себя Македонским, да и русский медведь жиреет день ото дня, что бы там ни думали себе эти болваны из разведки Форин-офиса. Наши лучшие аналитики делают неутешительные прогнозы. В любом случае, тысяча девятьсот десятый год мы должны встретить во всеоружии, а до него осталось всего ничего.

– Вы думаете, вероятно война? – печально спросил старик.

– Я думаю, она неизбежна, дорогой профессор. И помяните мое слово, это будет война, какой народы мира еще не знали. С такими видами оружия и с таким количеством жертв, что сочинения мистера Уэллса покажутся нам «Записками Пиквикского клуба». Британии надо торопиться, и именно поэтому я говорю сейчас с вами. Лорд Бэрроу поручил мне ввести вас в курс дела и выслушать ваши соображения относительно известного предмета. Как вы знаете, наша разведка направляет меня в Россию как атташе по культуре.

Старик почтительно склонил голову.

Дипломат между тем продолжал:

– А ваша миссия будет заключаться в том, – здесь сэр Рональд сделал паузу, чтобы раскурить сигару, затем с удовольствием выпустил изящное кольцо дыма и добавил: – чтобы добыть для Британии сокровища Ахмет-бея... «Зеркало шайтана»!

– Однако... – протянул пожилой лорд.

– Что же вас смутило?

– В принципе – ничего. Полумифическое орудие древних арабов, учеников самого Мухаммеда, с помощью которого они поднимали на воздух целые города... Легенда стала явью? Неплохой подарок империи в грядущей войне...

– Разве это вам не под силу? Разве это не под силу человеку, в одиночку прошедшему бразильскую сельву, открывшему золотой город инков и поднявшему со дна океана испанский галеон, набитый золотыми дукатами? Человеку, не побоявшемуся сразиться в рукопашной схватке с вождем океанского племени каннибалов? И всегда вы действовали дерзко, не боялись импровизации, благодаря чему выходили из всех передряг победителем!

– То, что вы называете импровизацией, мои критики считают неразборчивостью в средствах... И тогда мне не исполнилось и сорока, и ядовитый паук в низовье Амазонки еще не парализовал мои ноги.

– И заметьте, тогда за вами не стояла вся мощь Британской империи...

– Тогда за мной стояли честолубие, азарт и жажда славы, мой мальчик. А это посильнее мощи империи... Впрочем, я многим обязан нашей старушке, а посему не имею ни малейшего морального права отказываться от этой почетной миссии. Да и мой азарт, – здесь в глазах старого лорда блеснул озорной огонек, – никуда не делся.

– Сэр, вы настоящий патриот и достойнейший из подданных его величества, – воодушевленно проговорил сэр Рональд и тут же перешел на деловой тон. – Никаких записей, лорд, я полагаюсь на вашу память. Согласно инструкциям лорда Бэрроу, вам и вашему спутнику надлежит через Санкт-Петербург добраться до Москвы, а оттуда вы проследуете в губернский поволжский город Старокузнецк. Поезд отходит с Казанского вокзала в шесть часов пополудни. Там вас встретит ваш горячий почитатель профессор Смородинов.

– Вроде я слышал эту фамилию, – ухмыльнулся старик. – Он как раз искал «Зеркало шайтана» в Крыму?

– Да, – улыбнулся в ответ дипломат. – Но нам повезло чуть больше, чем ему. Епископ Кентерберийский передал нам вот эту грамоту, доставшуюся ему от предшественника.

– Любопытно, и что же это за документ? – сказал лорд, доставая из жилетного кармана монокль.

– В конце семнадцатого столетия капеллан флота ее величества преподобный Джон Виксон служил на фрегате, захватившем корабль турецких пиратов. В качестве трофея нашим

матросам достался свиток, написанный на фарси. Он принадлежал некоему знатному турецкому военачальнику Мустафе Черноглазому, сыну Ахмет-бея.

– Самого Мустафу, насколько мне известно, повесили на рее?

– Да-да. Тогда с этим было проще, – вздохнул дипломат. – Так вот, свиток отдали капеллану, потому что только он мало-мальски понимал арабский. Он, вернувшись домой, вручил ее настоятелю монастыря...

– Дальше можете не рассказывать, – сказал старик, сухо рассмеявшись. – Я знаком с содержанием этой грамоты. Да-да, не удивляйтесь, я же все-таки историк, а не только шпион. Там говорилось о том, что дверь к сокровищам Ахмет-бея может открыть лишь воин с золотым оружием и золотым сердцем. Красивая метафора, не более того.

– Вы великий историк и замечательный сотрудник секретной службы его величества, дорогой лорд, вот что я вам скажу, – сэр Рональд вновь почтительно опустил голову.

– Да полно вам, просто я люблю приключения, как все чертовы шотландцы с гор, – и старик снова захохотал. – Продолжайте, мой мальчик, я уверен, что самое интересное вы мне еще не поведали.

– Как вы, должно быть, знаете, у нас много различных специалистов, которые умеют сопоставить один факт с другим, даже если первое событие произошло триста лет назад в Черном море, а второе – год назад в небольшом русском городке. Кроме того, нам помогают наши добровольные осведомители из всех стран мира. Корона готова щедро платить за свою безопасность. Месяц назад на раскопках близ Судака известный вам профессор Смородинов вместе с приват-доцентом Гусевым нашли небольшую позолоченную статуэтку, изображающую витязя с мечом. И через три дня в музее города Старокузнецка состоится торжественное открытие этого экспоната.

У лорда сверкнули глаза.

– Кажется, я начинаю понимать, в чем будет состоять моя миссия, – улыбнулся Мак-Роберт. – Вы хотите, чтобы я добыл эту статуэтку?

– Не только, – ответил дипломат. – После этого вы на дипломатическом поезде отправитесь в Симферополь. Там вас встретит наш резидент, снимающий дачу в Коктебеле. Он выдаст вам все необходимое оборудование. Вы должны проследовать в горы Шайтан-Калаяр и воспользоваться статуэткой как ключом. Ведь никто кроме вас не знает, где расположен вход в сокровищницу. Когда вход будет открыт, вы выстрелите из ракетницы красной ракетой. На расстоянии двух кабельтовых от берега будут дежурить два наших бота. По вашему сигналу они пришвартуются к берегу, и наши люди погрузят сокровища – а главное, «Зеркало» – на борт. Со стороны все будет выглядеть так, будто группа молодых людей решила устроить пикник после морской прогулки. Затем яхты выйдут в нейтральные воды и выгрузят ценности на одну из наших субмарин, которая и доставит их в Лондон. А вы, сэр, вернетесь в Англию через Париж, где как раз будет проходить конференция ученых-востоковедов. На конференции вы произнесете приветственную речь и прочитаете несколько лекций. Если операция пройдет удачно – а у меня нет оснований сомневаться в этом, – по возвращении в Лондон вы сможете рассчитывать на самую щедрую награду, какая только будет в наших силах.

– Да, пожалуй, это приключение станет достойным завершением моей карьеры, – проговорил лорд, выпуская красивое кольцо дыма. – После такой операции можно спокойно отправляться на покой писать мемуары. Есть лишь одна проблема, дорогой сэр Рональд.

– Какая, милорд?

– Как войти в сокровищницу? Одной статуэтки и моих знаний будет мало. Понадобится карта!

– Сэр, в этом вопросе империя всецело полагается на вашу интуицию и опыт.

– Черт побери, высокого же мнения империя о моей интуиции! – Мак-Роберт снова засмеялся своим трескучим глуховатым смехом.

– Я могу лишь сказать, что, по нашим последним агентурным данным, карту комплекса Шайтан-Калаяр совсем недавно приобрел известный миллионер Стрыльников, который волею судьбы проживает в том же Старокузнецке. Мы гарантируем поддержку в этом направлении. Карта будет у вас.

* * *

Иван повел коней в конюшню, а Родин направился в дом, где профессор Смородинов снимал большую пятикомнатную квартиру. Гусев-младший после гибели отца жил вместе с ним, а в восемнадцать лет переехал в крохотную комнатку на пару этажей ниже. Денис Трофимович занимал лишь одну, наименьшую комнату в квартире. Остальные четыре комнаты были завалены древними рукописями, томами по истории и археологии разных лет издания и на разных языках, археологическими находками, которым не нашлось места в музее (их, по правде говоря, были многие сотни), осколками керамики, проржавевшим до основания оружием, истлевшей амуницией и прочим археологическим хламом. Благодаря этому, квартира профессора производила впечатление некоего сакрального помещения, имеющего выход в другие миры и эпохи.

Сам старик лежал на кушетке под теплым клетчатым одеялом и постанывал. Родин снял пальто, повесил его на вешалку, надел халат и отправился к рукомойнику.

– Что же с вами случилось, Денис Трофимович? Рассказывайте, и уберите это одеяло.

– Я... меня... – кашляя, пробормотал Смородинов, стыдливо обнажая спину. Она вся была покрыта чернеющими кровоподтеками, прямыми, как от ударов шпицрутеном, да еще и перемазана барсучьим жиром – результат неумелого лечения.

Родин поцокал языком и вытащил из саквояжа склянку с мазью и свинцовые примочки.

– На вас напали грабители?

– Да... то есть нет... Я упал... упал с лестницы... там скользко, грязно на лестнице было, я и упал, поскользнулся...

– Где скользко? – нахмурился Родин, легко пальпируя спину профессора. – У Стрыльникова? Почему же там грязно?

– Нет-нет, – быстро залепетал Смородинов, – не у него. Я... решил зайти в университет, в библиотеку... кое-что проверить... А у нас там темно и не убрано после дождя... Дворник наш, Равиль, вечно грязь развезет, а потом валяется у себя в камерке... Черт возьми, как спина то болит...

– Вроде переломов нет, – пробормотал Родин, прикладывая примочки. – Денис Трофимович, я же вижу, что это следы ударов. Можете не волноваться, для меня врачебная тайна – это святое. Что произошло? Это дело рук Стрыльникова?

– Стрыльников... мы пообщались... Но в итоге я предпочел уйти, потому что не привык общаться с людьми, столь малосведущими в науке.

– Завтра смажете ушибы вот этой мазью, я ее привез из Африки. Будете как новенький. Что ж, упали так упали. Как вам будет угодно.

Смородинов горестно вздохнул.

– Понимаете, Георгий, история эта крайне неприятная. Впрочем, в последнее время мне пора бы привыкнуть, что я вляпываюсь в мерзкие истории. Я и раньше был на это мастак, а вот под старость лет казусы такого *mauvais ton*¹ со мной случаются так часто, что хоть из города беги.

Родин понимающе кивнул.

¹ Дурной тон (*фр.*).

– Денис Трофимович, можете не сомневаться, все, что я сейчас услышу, я сразу же и забуду.

Смородинов опять вздохнул и продолжил:

– Да чего там... скверная вышла история. Впрочем, раз вы об этом узнали... Как говорится, что знают двое, то знает и свинья. Видно, скоро целый город будет потешаться над сумасшедшим стариком, которого, как щенка, спустили с лестницы!

– Уверяю вас, ничего подобного я не знаю, – спокойно ответил Родин, – и повторю, не будет знать никто, кроме нас.

– Самое главное, чтобы не узнал Ваня. Он в последнее время стал таким бешеным...

– Не узнает никто.

– Стрыльников, как он мне рассказал, купил карту на швейцарском антикварном аукционе в Берне, – наконец начал свой рассказ профессор, – подлинник, середины семнадцатого века, выполненную арабским картографом. Ему наплели, что на этой карте отмечена сокровищница все того же пресловутого Ахмет-бея. Он пригласил меня к себе в имение, сулил большие деньги, если я укажу ему эту сокровищницу.

– И что, вы ему отказали? – Родин отправился к рукомойнику.

– Ну, если бы это была именно такая карта, с большим крестом и надписью «Сокровища», как в романе господина Стивенсона, то Стрыльников и сам бы обо всем догадался, верно же? Родин кивнул.

– В том-то все и дело! Я ведь один из ведущих специалистов по данному периоду Крымского ханства и неплохо знаком с обычаями того времени. Ахмет-бей вообще мой конек, насколько вам известно!

Родин не перебивал профессора, у которого в глазах вдруг блеснул огонек научного безумия. Всем известно, что за информацию надо платить. Хотя эту историю Георгий слышал уже раз сто, он лишь терпеливо кивал.

– Как известно, в Черных, или Чертовых, скалах, по-крымскотатарски – Явуз-Къалаяр, или Шайтан-Къалаяр, недалеко от черноморского побережья в Таврической губернии была потайная фамильная сокровищница династии Гиреев, крымских ханов, последним из которых был легендарный грабитель Ахмет-бей. Он и его предки, возвращаясь с набегов, прятали где-то в самой отвесной скале – Чертовом Зеркале, или Шайтан-Кюзгусси, – часть драгоценностей, чтобы, если их корабли вдруг пойдут ко дну, часть добычи осталась потомкам. А грабили они и небольшие степные племена, и знатные княжества, и богатейшие королевства. Так что за двести с лишним лет в тайнике среди ущелий скопились немалые ценности. Некоторые источники говорят даже о каких-то фантастических артефактах, например о «Зеркале шайтана», в честь которого и названа скала.

– Что за зеркало? – и это Родин знал прекрасно, но снова спросил, чтобы профессор оседлал своего конька и успокоился.

– Мифический алмаз черного цвета, в котором можно разглядеть шайтана. Некое совершенное оружие невиданной силы... Якобы посланцы от Мухаммеда подходили к воротам городов с этим алмазом, и после молитвы Аллаху раздавался взрыв, уничтожавший и крепостные ворота и самих посланцев, после чего уже шла орда воинов... Сказки, конечно, но сама сокровищница – это факт общеизвестный, и многие ученые, да и простые охотники за сокровищами пытались найти этот клад. Многие сложили головы, в их числе и мой друг и бывший коллега – Афанасий Гусев, который разбился на моих глазах, сорвавшись в расщелину...

Профессор протер вспотевшие от столь жарких воспоминаний очки и продолжил:

– Никто тем не менее ни на йоту не приблизился к обнаружению таинственной сокровищницы. Скалы там отвесные, протянулись на десятки верст, повсюду расщелины, ущелья, ложные входы, заканчивающиеся гибельными лабиринтами, добавьте удушливый природный газ... И даже если все скалы излазить в альпинистской обвязке, как это делали мы с Гусе-

вым, – семидесяти жизней не хватит. Жаль, поздно я это понял. Без карты, без секрета – это просто невозможно, слишком хитро припрятан тайник. Ну а карта, которая в итоге попала к Стрыльникову, разумеется, тоже была сделана с секретом, который знал только глава рода. Ведь страшно представить, что бы случилось, если бы карта попала к врагам или предателям! – Смородинов даже вздрогнул, словно он и сам был главой рода, оберегавшим несметные богатства.

– Что же это за секрет? – спросил Родин. Пылко рассказанная история его заинтересовала.

– Неизвестно! – заключил профессор. – Когда Стрыльников рассказал мне про карту, я понял, что она в самом деле похожа на изображение Чертовых скал, как они мне известны. Однако никаких, повторяю, никаких следов сокровищницы на этой карте не было, да и сам Стрыльников это понимал. Но разве его убедишь? Мужлан чертов. Вынь да положи ему сокровища! «Озолочу, – говорит. – А нет – прикажу высечь и не погляжу, что ты профессор», – передразнил Смородинов грубый голос фабриканта.

– И что? – заранее сморщившись от предчувствия нехорошего финала этой истории, спросил Родин.

– Ну я пытался объяснить, что мне нужно время для серьезных исследований, просил карту к себе домой, чтобы свериться с источниками, потому что это наука, а не гадание на картах! Или хотя бы поглядеть! Да все без толку. В итоге я сказал, что не могу ответить ему, где находится эта сокровищница. Стрыльников обозвал меня шарлатаном, бестолочью, обещал, что всему миру раструбит о моей некомпетентности, что пригласит столичных ученых... Как будто они бы ответили ему что-то другое... А потом несколько раз ударил меня своей тростью по спине, схватил за ворот, как котенка, поднес к лестнице и выкинул вон.

– Но... это же возмутительно! – вскричал Родин. – Вы должны были немедленно сообщить в полицию! Стрыльников уже давно нарывается на серьезное наказание...

– И всегда откупается штрафами да подарками полицмейстеру. Все об этом знают, знаю и я.

Родин потупился. Он тоже об этом знал, и ему было отвратительно.

– Ничего... – пробормотал Смородинов. – Завтра мы выставим в качестве экспоната «Золотого витязя»... Приедет сам лорд Мак-Роберт... Ради этого я жил!

* * *

Стрыльников развалился на диване в своей гостиной и пил вино прямо из бутылки. Перед ним, сухой и подтянутый, сидел его управляющий Турнезен.

– Ну чего, Франц, – наконец сказал фабрикант, – можно ли назвать меня удачливым?

– Полагаю, что да, сударь. Вы купили землю со скалами, то есть сокровища-с, равно как и камень, уже в вашей собственности.

– Сколько-сколько? Сколько они стоят? Повтори-ка, дружок, как эти книжные черви скакали?

Турнезен улыбнулся, хозяин задавал этот вопрос очень часто.

– Исчислению не подлежит.

– Во! – Стрыльников поднял вверх толстый палец. – Значит, там их бесконечно много, этих сокровищ. А камень этот?

– Владея «Зеркалом шайтана», можно уничтожить любую армию мира за пять минут-с.

– Во! А это значит что?

– Неограниченная власть над миром.

– Так что если на эти сокровища выпустить на моем заводе новые пушки... А с помощью камешка создать новое оружие с удесятеренной взрывной мощностью...

Стрыльников довольно рассмеялся, но потом опять посуровел.

– Черт меня дери, но сокровищ-то все-таки нет! Они в этой чертовой пещере в этой чертовой скале!

– Но у вас есть карта-с!

Фабрикант вытащил из внутреннего кармана сюртука кожаный чехольчик, развязал снурок и неуклюже вытащил своими огромными пальцами пожелтевшую от времени карту. Затем в тысячный раз посмотрел на нее.

– Да, карта есть... Но она зашифрована, черт ее дери! Нет там никаких указаний! Да и скалы нарисованы какие-то не такие! А этот старый пень Смородинов не хочет консультировать! Совсем меня разозлил! Еще бы минута, и я бы схватил не трость, а топор!

– Как бы он не заявил в полицию, – покачал головой Турнезен.

– Ничего, откуплюсь... И эта чертова статуэтка... зачем она нужна? Может, ее надо поставить на карту? А куда? Черт, черт, черт! – И Стрыльников залпом осушил половину бутылки и швырнул ее в угол.

– Я советую вам сходить на открытие этого экспоната. Наверное, «Витязя» придется купить или нанять людей, чтобы его выкрали. И заставить Смородинова выдать тайну.

– Заставим, – криво усмехнулся Стрыльников. – Завтра же. Когда из музея уберутся все эти репортеры, я подойду к этому старому лешему. Скажу, мол, простите, вчера погорячился. Дам ему денег, по нему видать, что он – нищий. Покажу карту, дам поддержать. – На этих словах фабрикант снова сложил пергамент в футляр и бережно обмотал снурком. – Приглашу к себе, посулю еще денег. Ну а откажется – поговорим по-другому. Все, свободен.

Турнезен учтиво поклонился и покашлял, не сдвинувшись с места.

– Ну чего еще? – поднял тяжелый взгляд Стрыльников.

– Я бы хотел напомнить вашей светлости-с про двух остальных господ, знакомых с тайной сокровищ: герр Гусев и герр Родин...

– Да помню я, помню! Но с ними-то я незнаком, а старую кочерыжку Смородинова прочуял как облущенного. Он не то что этот басурманин, – Стрыльников кивнул в сторону камина, – с виду сопля соплей, а характер железный. Не! Того тряхни посильней, он все тайны выложит! Тудыльче завтра на этой его выставке денег предложу, глядишь, и передумает, чертов сын!

* * *

Внизу Родин встретил старого товарища, который нервно ходил взад-вперед по тускло освещенной улочке у конюшни, потирая свой огромный флюс.

– Ну что? Что Дэнис?

– Все не так страшно. Я дал ему снотворного, намазал мазью... Девять часов сна – и будет как новенький. Его скорее подкосил стресс и... ну и... стресс от падения.

Родин сдержался, хотя ему очень хотелось выдать настоящую причину травмы профессора, но было понятно, что вспыльчивый Гусев тотчас же побежит к Стрыльникову требовать удовлетворения, да и выдавать врачебную тайну не позволяла клятва Гиппократ.

– Черт, – плюнул Гусев на землю, – угораздило же его так навернуться как раз в день перед выставкой... А кстати, Георгий! Я со всей этой суетой забыл тебя пригласить на наш праздник! В шесть пополудни милости просим!

– Не уверен, – замаялся Родин, – у меня завтра практика в больнице, как раз до шести...

– Ну и приходи, как освободишься! Будет интересно! Ты представляешь, «Золотой витязь» Ахмет-бея! Ключ к сокровищам шайтана! Да и кроме того, там будет сам Мак-Роберт!

Родин в задумчивости почесал подбородок. С одной стороны, его старинный друг и учитель Андрей Юсупов – старший врач и заведующий старокузнецкой губернской земской боль-

ницей – пригласил его помочь разобраться с одним интереснейшим случаем. Недавно к ним поступил крестьянин, которого укусил, смешно сказать, барсук, скорее всего бешеный. Но все известные науке средства против бешенства покамест не помогали, что говорило о какой-то странной, доселе неизвестной науке болезни.

С другой стороны, его пригласила на свой поэтический вечер литератор Елизавета Сечина-Ледянская, которая давно пыталась завлечь молодого врача в свои будуары, и именно в этот день он решил наконец поддаться ее увядающим чарам, чтобы навсегда закрыть эту непрекращающуюся страницу неначатого романа. В самом деле, лучше совершить грехопадение, пока даме тридцать, чем с ужасом глядеть на нее, когда она приблизится к сорокалетнему рубежу. А Ледянская обещала выставить на стол лучшие вина и даже настоящий опиум, который ей якобы привез из Китая некий поклонник!

Было понятно, что вино окажется дрянью, опиум наверняка реквизируют жандармы, и раз уж Господь не велит пасть на ложе стареющей поэтессы, то лучше с утра повозиться в больнице, а к вечеру двинуться в музей.

Ведь Георгий провел не один месяц в романтической юности вместе с Гусевым и Смоудиновым на раскопках, слушая бесконечные истории про Ахмет-бея, несметные сокровища, сокрытые в Черных скалах, и «Зеркало шайтана», которое способно уничтожить любую армию мира за несколько секунд.

Вспомнились ему и зачитанные до дыр книги знаменитого путешественника сэра Эндрю Мак-Роберта, который тоже проявлял интерес к поискам несметных сокровищ в Крыму – ан здесь его друзья преуспели куда как больше. Да, это их праздник, и, конечно, Родин должен быть рядом с ними, даже если их дорожки давно разошлись.

– Хорошо, Иван! – сказал он, легко сядя в седло. – Ты прав, я обязательно приду, и мы разделим вместе радость вашего открытия!

Глава вторая

*Апрель 19** г.*

г. Старокузнецк

Старокузнецк располагался в Среднем Поволжье, примерно в тысяче верст от Москвы. Селились тут испокон веку люди работающие, давшие имя городу. Основали его лет триста назад посреди мордовских лесов, чтобы устроить прочный заслон от набегов кочевников-кубанцев и ногайцев. И от первых пятисот шпак в небольшом остроге Старокузнецк вырос до губернского центра с семидесятитысячным населением, чуть меньше чем Пенза, Саратов или Рязань.

Уже в XVIII столетии Старокузнецк стал крупным помещичьим центром и занимался в основном торговлей хлебом и винокурением. Земля тут была плодородная, жирные черноземы, что впору на булку намазывать, да и неурожаи бывали редко. В 1801 году по указу Сената объявили его губернским городом и одновременно центром уезда. Город и губерния получили высочайше утвержденный герб – в зеленом поле скрещенные алебарда с молотом на фоне пшеничного снопа, – «означающий знатное земледелие здешней земли, трудолюбие местных жителей и отвагу людей служилых».

Стоял город на реке Хопер, что впадал на дальних уездах губернии в Волгу. Как говорили документы, «по той реке есть судовой ход на стругах и барках, бравших на борт от десяти до двадцати пяти тысяч пудов груза из города Старокузнецка с хлебом, вином, и гонка лесов до Астрахани». Помимо водных каналов, был Старокузнецк прочно вплетен в паутину железных дорог империи с движениями по Сызрано-Вяземскому, Московско-Казанскому и Рязано-Уральскому направлениям. Конечно, от этого и экономика, и культура, и техническое положение губернии развивались семимильными шагами. Так, уже в 1845 году в городе появился первый дагерротип на металлической пластинке, через десять лет – запущен телеграф, еще через двадцать по улице Верхне-Пешей, пугая собак, поехали велосипедисты, был продемонстрирован звукозаписывающий аппарат, и первая кинофильма, а в 1897 году появились телефон и первый автомобиль (кстати, все у того же Стрыльникова). Были в городе уличное электроосвещение и асфальтированные тротуары, правда, только на трех центральных улицах.

Старокузнецк называли крупнейшим гнездом российского дворянства, представленного именами Шереметевых, Шуваловых, Голицыных, Куракиных, Татищевых, Трубецких, Долгоруких, Суворовых, Воронцовых, Разумовских и др. Это была мощь, сила и слава империи.

Вместе с тем Старокузнецк был известен как город «купеческий» и «промышленный». Многие наши купцы и фабриканты были широко известны даже на мировом рынке. Ведущая роль, конечно, по-прежнему принадлежала торговле хлебом и спиртом, а также мукомольно-крупяной и водочной промышленности. Но помимо мелких полукустарных предприятий, в городе были и промышленные: фабрики писчебумажная Чулина и спичечная Архипова, заводы чугуноплавильный Стрыльникова, механические того же Стрыльникова, Крюгера и Соловейко, лесопильня Горячева, металлургические снова Стрыльникова и Пинеса, и еще несколько других, не столь значимых. Были у нас и первенцы военной промышленности: совсем недавно открылся завод, где изготавливали дистанционные трубки для взрывных устройств, да и, по слухам, тому же Стрыльникову выделили чуть не тысячу десятин земли под строительство завода, который будет делать снаряды нового поколения взамен калечащих артиллеристов меланиновых.

Население рабочее, и, конечно, не очень смирное. Как ни старалась полиция держать город в узде – удавалось не особенно. И лихие люди тут бузили, и сами жители могли много дел наворотить. Вон, к примеру, вчера только приехал в город томский бандит Ваня Барин со своей шайкой и пошел в местный притон – кабак «Шилка». Слово за слово, да и сцепились с местными разбойничками, наши-то тоже не лыком шиты. Хорошо, городской мимо проходил, забе-

жал в кабаки на выстрелы, а там уж четыре трупа. Много, много головной боли у полицмейстера Мамонтова. Да и у начальника жандармского управления Радевича забот никак не меньше. Наслушались рабочие мануфактур да заводов про подвиги своих столичных коллег и тоже принялись баловать. Кое-где и кружки появились сомнительного толка. До больших террористических актов дело пока не доходит, но вон сожгли недавно зернохранилище (хорошо хоть, маленькое) и листовку оставили: «Нет самодержавию». Но не будем пока о плохом. О хорошем лучше расскажем. Хорошего-то в Старокузнецке тоже хватало.

Всем известно, что истинное благосостояние города определяется не количеством увеселительных заведений или питейных мест, а, напротив, гимназиями, храмами и больницами. Так вот, в конце XIX века в городе действовали университет, где как раз служили Смородин и Гусев, триста с лишним церковно-приходских школ, пятьдесят народных училищ (вместе с женскими), губернская гимназия, реальное училище, духовная семинария, медицинское училище и всероссийски известное училище садоводства; был городской театр, в котором служили целых три труппы с разными репертуарами и десять частных театров, губернаторский симфонический оркестр (лучший в Поволжье), художественное училище Марковых, старейший цирк, принадлежащий русским антрепренерам Головановым, и, конечно, великолепный губернский краеведческий музей при Старокузнецком университете.

Любой житель Старокузнецка мог получить медицинскую помощь в великолепной, недавно выстроенной губернской земской больнице на двести коек с амбулаторным отделением. При ней работали аптека, фельдшерская школа и школа повитух, родильно-гинекологическое, инфекционное, глазное и психиатрическое отделения. Старшим врачом был доктор медицины Андрей Юсупов, в штат входили десять врачей, двенадцать фельдшеров, пятнадцать сестер милосердия и пять акушерок.

Активно действовали научное медицинское общество и врачебное отделение губернского (областного) правления во главе с врачебным инспектором Буцке.

Кроме того, в губернии к концу столетия имелось семьдесят семь земских врачебных учреждений и шестьдесят семь амбулаторий, двадцать фельдшерско-акушерских пунктов; больницы с разным количеством коек находились в каждом уездном центре. В самом городе принимали больных десятки городских и земских врачей. Одним из самых востребованных был Георгий Родин.

Родина, надо сказать, неоднократно приглашали служить в губернскую больницу, тем более что Андрей Юсупов был его одноклассником и славным приятелем по медицинскому институту, более того, оба носили на лицах шрамы от рапир друг друга, поставленные во время славных студенческих дуэлей.

– Ты ж куда талантливей меня, Георгий! Ну что ты киснешь на своей частной практике, ты же врач от Бога! Жалованье у нас, конечно, не больно высокое, но тебе аптека, что от батюшки досталась, доход приносит! А ты у себя возишься со старыми девами да ревматиками... Тебе с твоими руками надо оперировать, ставить диагнозы... – уговаривал друга Юсупов.

– Ответственность слишком высока, – отвечал Родин. – Не с моим характером на себя ее брать. Я люблю в любой момент, ежели (да, он любил это старомодное словечко) мне захочется, сорваться и уехать туда, куда меня зовет вольный дух искателя приключений!

– Ох, Георгий... ну хоть не откажешь старому другу, если я попрошу тебя по-товарищески? – Юсупов поскреб затылок совсем уж по-крестьянски.

– Конечно не откажу, если эта просьба не противоречит моим убеждениям.

– Никоим образом. Просто, коль скоро меня уж назначили старшим врачом нашей главной больницы, приходи мне помогать в самых сложных случаях... Ты же талантливее меня... Я, может, поднаторел в этих бюрократических кунштюках, но чутья у меня такого, как у тебя, нет... и вряд ли будет...

Родин подошел к товарищу и крепко пожал ему руку.

– Конечно, Андрюша! Для меня будет величайшая честь нести добро в этот мир. Давай договоримся так. Раз в неделю я буду приходить в твою больницу, да-да, теперь она твоя, и даже не спорь... и буду работать бесплатно, только ради удовольствия и клятвы Гиппократы. И ежели вдруг привезут тебе сложного пациента – можешь рассчитывать на меня в любое время дня и ночи!

* * *

– Родин, Родин идет, – шелестело по больнице.

Все улыбались, начиная с дворника и заканчивая самыми тяжелыми больными на третьем этаже: сила и жизненная энергия молодого талантливого врача заряжали и излечивали каждого.

Он лихо спрыгнул со своей легкой коляски, кинул вожжи дворнику – мол, поставь в конюшню – и, широко распахнув парадные двери, побежал вверх по мраморной лестнице.

И вот уже выглядывают из палат пациенты: по коридору идет быстрым шагом молодой крепыш плотного сложения, одетый в просторный сюртук табачного цвета с бархатными бочками, жилет из кремового «манчестера» и серые клетчатые брюки, тоже широкие и просторные. Лицо у него было красивое, гладко выбритое, обрамленное небольшими бачками и непослушным русым вихорком посреди лба. Выглядел он лет на двадцать пять, может, чуть больше, но желто-зеленые глаза были цепкие, сильные, даже хищные; это были глаза человека, видевшего опасность и даже самое смерть, но отвечавшего лишь смехом.

– Приветствую, Георгий Иванович, – чуть шутовски отвесил поклон Андрей Юсупов. – Ты как всегда вовремя, как штык. Сразу видать военную косточку.

Они крепко пожали руки.

– И тебе не хворать, Андрей. Как пациенты? Как Гороховский? Как Дидюля?

– Гороховского выписали, он тебе нижайше кланялся, обещал с пасеки прислать бадью меда. Дидюлю перевели в палату для выздоравливающих.

– С Дидюлей был интересный случай. Кто ж ожидал, что у того барсука, что его цапнул, было не бешенство?

– Георгий, это все твое чутье. Кстати, появился у нас еще один случай интересный, да жаль не совсем по нашему с тобой профилю.

– Отчего ж не по нашему?

– Велел уж в психиатрическую переправлять.

– А что ж в анамнезе?

– Молодая, красивая, – особо подчеркнул Юсупов, – но, увы, совершенно безумная особа.

– Позволишь полюбопытствовать?

– Изволь, все равно коляску ждать.

И они направились к больничным корпусам.

– Сначала думал – истерия, побочный эффект пристрастий всяких, – рассказывал между делом, пока шли, Юсупов. – Она же из клуба Сечиной-Ледянской. Слыхал про такую?

– Слыхал, – вздохнул Родин и поежился, хотя было тепло. – Стихи, эмансипация, морфинизация, декаданс...

– Вот-вот. Ну по ней видать: морфинистка со стажем. Ну и с кокаином знакома. Я ей детоксикацию делал. Нулевой эффект! Даже хуже.

– Хуже?

– Крик, вой: не трогайте меня, я умираю, я горю!

– Жар?

– Жар, а как же. Нервная горячка.
– Пускали кровь?
– Помилуй, брат, конечно. Нулевой эффект.
– Морфий давали?
– Какой морфий, Георгий? Чай, не психиатрия, морфием да опиатами экспериментировать. Все подотчетно – для наркоза! Да и где это видано: морфинистку лечить морфием?
– Так, а что осмотр показал?
– Жар, истерика, горячечный бред.
– Так ты уверен, что горячка нервная?
– Она осматривать-то не дается. «Где болит?» – «Везде болит. Душа болит!» И выть опять.

– Позволь мне все же осмотреть ее.
– Да осмотри, отчего нет. Но тут я сразу скажу: надо везти в пятый корпус, там Лутченко осмотрит. Это его епархия – душевные болезни. А мы с тобой телом займемся. Но хочешь – осмотри. Порази меня как психиатра.

В палате на узенькой железной койке, на сером застиранном больничном белье, свернувшись калачиком, лежал наполовину истаявший бледный восковой ангел, разметавший по подушке белокурые волосы и глядящий исподлобья огромными, лихорадочно блестящими глазами.

Родин вымыл руки, надел халат, присел на край кровати. Дыхание больной было тяжелым, хриплым. Лоб – он потрогал – чрезвычайно горячим. Измерил пульс: учащенный – от горячки.

– Как же попал к нам столь прекрасный ангел? – мягко начал Родин.
– Я не ангел, – тихо, хрипло, но решительно проговорила девушка, съежившись не то от страха, не то от боли. – Я демон. Демон глаголет во мне, внутри меня, он боль несет, и я вещаю его устами... Иначе мне конец, и он меня пожрет...

Внимательный глаз Родина подметил эту деталь.

– Ну я же говорил, – пожал плечами Юсупов. – Бред, да еще в стихах.

– Вы не будете против, если я вас осмотрю? – спросил Родин.

– Буду, – сказала девушка, съеживаясь в клубок еще больше.

Родину не понравилась эта закономерность.

– Вы не могли бы лечь прямо, на спину? Я сделаю простой осмотр.

– Нет, – настаивала девушка, все сильнее прижимая руки к животу.

– Хорошо, лежите так. Если позволите, я только задам пару вопросов.

Девушка промолчала.

– В вашей карте написано, что вас зовут Лилия. Это так?

– И да и нет, – еле слышно ответила девушка.

– Красивое имя, как у цветка.

– Мое имя – Лилит. Я – первая жена Адама, которую он бросил, предал, променял на толстомясую Еву... И меня утешил и согрел своим жаром мой круторогий повелитель... И мне горячо... Душа моя пылает в пламени первородного огня!

– Тьфу, – только и сказал Юсупов и перекрестился. – Тут мало психиатра, надо бы на отчитку ее.

Молчание. Родин внимательно смотрел на восковое личико красавицы, страдальчески сморщившееся. От чего?

– Вы попали сюда потому, что вас кто-то сильно огорчил?

Лилия молча помотала головой.

– Напугал?

Снова молчаливое отрицание.

– Сделал больно?

Снова – нет.

– Мой повелитель не делает больно. Его боль – это любовь.

– Так что вас беспокоит, Лилия?

– Вы. Уходите.

– Я не могу уйти. Я дал клятву Гиппократу. Лечить людей даже против их желания.

– Я здорова. Отпустите меня.

– А ваши температурные листы говорят об обратном, Лилия. Вы больны, и я обязан понять чем.

Неожиданно она повернула к нему свое лицо. Очень бледное, тонкое, болезненное, изможденное. Снедаемое лихорадкой. Но очень красивое.

«Это не безумие, – думал Родин. – Что угодно – морфинизм, дурной нрав, отрицание себя, тяжелое детство, несчастная любовь... что угодно. Но это не безумие. Это воспаление. Готов поклясться!»

Внезапно Лилия застонала и снова еще туже свернулась клубком.

– Вам больно? – спросил Родин.

Молчаливые кивки в ответ.

– Боль в животе?

Кивок.

– Простите, я обязан спросить, вы не беременны?

Резкое молчаливое отрицание.

– Вы... – не закончив, Родин обернулся к присутствующим. – Господа, вы не могли бы нас оставить. На минуту?

Все вышли.

– Вы... – продолжил Родин, изо всех сил стараясь быть деликатным, – вы... не подвергались насилию... со стороны... мужчины?

Резкий поворот головы и вызывающий испокон глаз. Резкий отрицательный кивок.

– Простите, простите великодушно, я должен исключить... как врач...

Лилия молча отвернулась.

– Тогда продолжим. Боль справа?

Кивок.

– Острая?

Кивок.

– Тошнота?

Слабый кивок.

– Убери руки! – Девушка внезапно заорала голосом базарных торговцев. – От них свет, от них боль!

– Готовим операционную!!! – внезапно громкий голос Родина огласил больничный коридор.

Юсупов и сестры, стоящие у двери, вздрогнули.

– Зачем операционную, Георгий? – спросил Юсупов, заглядывая в палату.

– Операционную срочно! – кричал Родин, не обращая на него внимания. – У нас аппендикс! Немедленно готовить! Немедленно промывать! Оперировать буду лично!

Уже когда ему мыли руки спиртом, мелькнула неуместная мысль: «На открытие “Золотого витязя”, стало быть, не успею... Ну зато жизнь спасу, оно важнее...»

Уже после блестяще выполненной операции, когда Родин курил у малой операционной, держа сигарету в щипцах, чтобы не перепачкать ее окровавленными руками, он глянул на часы. Седьмой час пополудни, опоздал в музей. Ну и бог с ним. Сейчас, видно, уже банкет, а при-

ходить на важное для старого приятеля событие, чтобы выпить, а не разделить его радость, непорядочно.

Однако музей посетить ему все-таки пришлось. Не прошло и получаса после того, как в ведро отправился окровавленный воспаленный аппендикс Лилии Богородской, в больницу вбежал мальчишка в карнавальном костюме татарчонка и завопил на весь коридор благим матом:

– Главного доктора! В музей! Двойное убийство! Профессор Смородинов при смерти!

Глава третья

Старокузнецк – город хоть и большой, а все равно до столицы далековато. При всей его развитости, провинция провинцией. Люди простые, радушные, хлебосольные и, увы, доверчивые к столичному лоску.

Потому часто так случалось, что всякие столичные прощелыги получали здесь теплый прием. Бывало, что какого-нибудь дрянного московского актеришку, канатного плясуна или офицеришку средней руки встречали с хлебом-солью всем Старокузнецком. Зато представьте себе, какой фурор произвел здесь бас-профундо из Большого, или боевой ротмистр с Балкан, или модный драматург из Петербурга!

Так что несложно представить, какого переполоху наделала в городе статья, напечатанная в губернской газете:

Провинциальный историк переписывает мировую историю!

В ближайшее время в Старокузнецком краеведческом музее состоится событие, обещающее стать настоящей исторической сенсацией.

Известный далеко за рубежом империи профессор кафедр истории и археологии доктор русской истории Старокузнецкого университета г-н Денис Смородинов сделал открытие чрезвычайного значения, которое произвело настоящий переворот во всей исторической науке.

Последние несколько месяцев все научно-историческое сообщество было взбудоражено сообщением о том, что проф. Смородинов со своим приемным сыном г-ном Гусевым близок к находке древней статуэтки – «Золотого витязя», которая якобы является ключом к сокровищнице легендарного крымского разбойника Ахмет-бея.

И вот на прошлой неделе стало известно о том, что «Витязь» найден! Более того, проф. Смородинов утверждает, что вскоре рассчитывает обнаружить несметные богатства крымского князя!

А пока, в ознаменование открытия мирового значения, в Старокузнецком краеведческом музее в течение нескольких дней будет производиться демонстрация золотой фигурки всем интересующимся историей, каковых, мы уверены, наберется немало. Торжественное открытие экспозиции, на которое приглашены светила исторической науки из обеих столиц и даже из-за рубежа, станет крупнейшим событием культурной и научной жизни не только самой Старокузнецкой губернии, но и всей империи и даже мира!

Статуэтка уже помещена в губернский краеведческий музей, стараниями профессора Смородинова крупнейший в Поволжье, и покамест ее тщательно скрывают от глаз любопытствующей публики. Открытие экспоната назначено на понедельник, 24 апреля.

Вашему корреспонденту также посчастливилось получить приглашение на это мероприятие, поэтому читатели «Вестника» первыми узнают обо всем, что будет происходить на открытии выставки. Мы внимательно следим за развитием событий.

*Собств. корр. «Старокузнецкого вестника»
Алекс Правдинг*

А самым удивительным выглядело появление в Старокузнецком музее профессора из Англии лорда Мак-Роберта, который в ходе тура по России и странам Ближнего Востока прочитал многочисленной аудитории лекции по истории средневекового пиратства. Сам профессор Смородинов не сводил глаз со своего кумира и даже стенографировал его лекцию в маленький блокнотик. Эх, вроде и ровесники они были, и круг интересов имели сходный, а вон как сложилось.

Один – институтский преподаватель в маленьком городке, всю свою жизнь не вылезавший из крымских раскопок, известный лишь в узких кругах своими монографиями о схватках легендарных атамана Червения и Ахмет-бея и фантастической теорией о действительном существовании совсем уж сказочного «Зеркала шайтана».

Другой – член Британских географического и исторического обществ, ученик великого Шоплисона, отважный охотник за сокровищами, вынужденный из-за укуса ядовитого паука в низовье Амазонки передвигаться лишь в кресле на колесах с помощью верного слуги.

* * *

Музей был нарядно украшен, и в воздухе витал запах приготавливаемых блюд для банкета. При входе пожилой смотритель, одетый в гусарский костюм, дарил каждому вошедшему брошюрку «Старокузнецкий краеведческий музей: перечень экспонатов», несколько фотографических карточек с видами музея и свежееизданную книгу профессора Смородинова «Отрыв Крымского ханства от Османской империи».

Да, профессор, как мог, попытался поднять курс своих акций на рынке исторической науки. Помимо представителей губернской прессы на открытии статуэтки присутствовали три иногородних журналиста, один из которых успел шокировать присутствующих ярко-полосатым сюртуком. Помимо этого был и известный столичный меценат Яхонтов, уроженец Старокузнецка, и председатель Английского клуба князь Чернобородский вместе с тремя одноклубниками (надо добавить, что Английский клуб являлся главным попечителем музея и также основным поставщиком охотничьих трофеев для зала фауны), и фабрикант Стрыльников, безуспешно попытавшийся прорваться к профессору, окруженному кольцом журналистов. Как только он узнал, что до банкета еще надо ждать целый час, сразу же ушел в ресторан.

Звезда мероприятия – лорд Мак-Роберт – был одет в костюм шотландского горца. Из-под килта выглядывали суховатые старческие ноги, покрытые седым пушком, обутые в кожаные ботинки с оторочкой из волчьего меха. Сам путешественник был укутан в тартан – плед расцветки клана Мак-Робертов – бордовый в крупную клетку. Лицо у лорда было все покрыто сетью морщин и шрамов, однако на свои шестьдесят с хвостиком он не выглядел – столь живой огонь горел в его желтоватых глазах, уже подернутых старческой мутой.

Вез коляску за особые ручки слуга и телохранитель лорда, сопровождавший его во всех приключениях, не менее известный Хью. Это был угрюмый рыжеволосый человек с массивной челюстью, перебитым носом и оттопыренными ушами. По сути, он был ровесником лорда, как известно, они вместе выросли, но звериная сила и первобытное зверство, пышущее в каждой клеточке ирландца, словно молодили его, и не каждый согласился бы сразиться с ним врукопашную. На боку коляски висел знаменитый саквояж лорда кожи аллигатора, из которого выглядывала трость красного дерева с рукояткой в виде головы сфинкса.

– Сэр Эндрю, – начал по-английски Смородинов, – для меня величайшая честь наконец-то познакомиться с вами лично. Я еще студентом следил за вашей головокружительной карьерой, и, если честно, именно ваша книга «В плену у каннибалов Океании» и побудила меня перевестись с юридического на исторический факультет – о чем я нисколько не жалею.

– Полноте, – отвечал лорд по-английски, но с твердыми шотландскими «г», – мне просто повезло, что отец знал Шаплисона и еще мальчишкой отдал меня к нему в ученики.

В свою очередь, я счастлив признаться, что ваша монография о разгроме войска крымских татар под Шайтан-Кале и стала причиной моей экспедиции в Среднюю Азию, благодаря которой мне был пожалован орден Подвязки.

– О да, – завистливо закивали старокузнецкие ученые, знакомые с потрясающими историческими находками, которые лорд Эндрю принес в дар Лондонскому музею.

– Вашу теорию о роли атамана Червения в падении династии Гиреев, – продолжал сэр Эндрю, – я нахожу несколько смелой, однако разве не нам должно быть известно, что смелым благоволит Господь! Теперь, ежели слухи не лгут, я могу вас поздравить и с подтверждением еще одной вашей теории – о том, что «Зеркало шайтана» не вымысел! Я, пока ехал в поезде, уже набросал несколько статей, которые намереваюсь отправить в исторические журналы, и непременно доложу о вашей находке на собрании Британского исторического общества.

Тут присутствующие разразились аплодисментами, от которых Смородинов густо покраснел. Не смея что-либо вымолвить от переполнявших его чувств, профессор пригласил гостей в зал истории Старокузнецкого края, где были накрыты банкетные столы.

– Прошу вас, господа, закусить чем Бог послал, – сказал он, откашливаясь. – На голодный желудок разговоры о днях давно прошедших всякому наскучат. А уж потом перейдем к гвоздю вечера! – и профессор торжествующе указал в конец дальней залы, где на особом пьедестале красовалась статуэтка золотого витязя, накрытая белоснежным покрывалом. Рядом с ней, насупив брови, стоял на посту внушительных размеров полицейский с обнаженной шашкой и лихо закрученными усами.

Распорядитель банкета, директор музея Савва Лукич Погорельцев, неоднократно повторял: у нас-де здесь не Петербург и тем более не Европа, конечно, однако ж и мы не лыком шиты, и стол хоть и скромный, зато все свежее, с собственных грядок.

Были тут и зефир из лангустинов, и жареное филе цесарки, сервированное галетами из сельдерея и соусом из малины, и белужья икра на теплых оладьях со свежей земляникой, и стерлядь по-петергофски, и суп-пюре из перепелов, и консоме. А выбор вин такой, что заморские гости только языками цокали (что, конечно, не могло не понравиться старокузнечанам).

Впрочем, разумеется, не все присутствующие сразу набросились на еду (хотя большинство поступило именно так). Лорд Эндрю, например, не притронувшись к закускам, залпом осушил несколько бокалов специально для него заказанного односолодового виски «Король Георг» и начал развлекать собравшихся, мастерски подражая голосам африканских диких зверей. Его телохранитель во всеобщем веселье участия не принимал и продолжал стоять позади коляски с лицом, напоминавшем статую с острова Пасхи (где, кстати, неутомимый лорд тоже побывал). Один раз к боксеру подошел профессор лингвистики Лонгрин и хотел было с ним из вежливости заговорить, но ирландец лишь хрустнул своими огромными костяшками и, не сказав ни слова, так посмотрел на бедного лингвиста, что тот поспешил ретироваться в противоположный конец зала и больше уж попыток сближения не делал.

Когда столы опустели, а гости принялись за кофе и сигары, Смородинов и Погорельцев перемигнулись: пришла пора переходить к основной части мероприятия. Директор музея повел гостей по всем трем залам музея, а профессор отошел в угол, еще раз пробегаясь по своим запискам. Речь, которую он готовил всю предшествующую ночь, вышла лаконичной, но яркой и образной.

Гости, следуя за Погорельцевым, осмотрели зал флоры, собранный стараниями студентов и преподавателей естественного факультета, зал фауны, состоявший большей частью из даров любителей охоты, и наконец исторический зал: картонный макет города Старокузнецка 1589 года с крохотными человечками, затем остов мамонта, найденный предшественником Смородинова профессором Мерзяевым, затем позолоченную копию статуэтки древнего воина, затем костюм половецкого мурзы, выкопанный из кургана, затем кучу черепков, нако-

нечников стрел и копий, возле которых никто особо не задерживался, затем камни с отпечатками древних ископаемых, затем чучела, изображавшие современных русских и мордовских крестьян в праздничных одеждах, и наконец – половецкую бабу, закрытую накрахмаленной простыней, из-под которой торчала грубая нога без пальцев.

Обход был закончен, и теперь гостей ждало самое главное – презентация статуэтки золотого витязя, одного из ключей к сокровищам Ахмет-бея и таинственному «Зеркалу шайтана».

– Милостивые государи, – торжественно сказал директор музея, – это поистине потрясающая находка, которая станет нашим главным экспонатом. Я уверен, что это событие будет по достоинству оценено нашими уважаемыми экспертами, – и он легонько поклонился – сперва журналистам, а потом представителям науки, которые не замедлили вернуть поклон.

Однако тут и произошло то, что, без сомнений, можно назвать крохотным камешком, который попал под колесо судьбы – отчего завертелось оно вкривь и вкось и полетело вместо ровного тракта по косогорам и буеракам. Где-то поодаль вдруг раздался ужасный грохот, начавшийся сверху и заканчивающийся глубоко внизу. Пылкое воображение могло представить, что половецкий мурза в полном боевом облачении провалился в ад, громя латами по ступенькам. Впрочем...

– Господа, а где же их светлость лорд Эндрю? – вдруг спросил кто-то из членов Английского клуба.

Тут-то все и заметили, что лорд, которого вроде бы вез на коляске великан Хью позади всей процессии, куда-то пропал. У раскрытой двери лишь сиротливо стоял приоткрытый саквояж. Сразу же кто-то вспомнил, что буквально несколько минут назад рядом с коляской крутился со своим блокнотиком один из журналистов в полосатом костюме, соломенном канотье и больших очках в черепаховой оправе. По всей видимости, журналист пытался прямо на месте написать специальное интервью с лордом для своего издания, в обход коллег. Теперь же и полосатого журналиста-пронеры нигде не оказалось.

Предчувствуя недоброе, Погорельцев рванул к длинной мраморной лестнице в два пролета. За ним ринулись и остальные гости. Неужели лорд свалился с лестницы?.. Причем не где-нибудь, а в Старокузнецком краеведческом музее. Да еще и на глазах у прессы. Дело пахло крупным международным скандалом.

Онемевшие посетители музея, толкая друг друга, бросились вниз по крутым мраморным ступенькам. Их взорам предстала ужасающая картина: в самом низу лестницы действительно валялось перевернутое кресло сэра Эндрю с жалобно поскрипывающим колесом, изогнутым восьмеркой. Сам старик с раскинутыми в стороны руками лежал под ним, к счастью, живой. Из рта его стекала кровь.

Ошеломленные гости во главе с Погорельцевым бросились приводить чуть живого Мак-Роберта в чувство, но в этот момент сбоку от верхнего пролета лестницы послышался еще один ужасающий звук: из крохотного чулана, где уборщик хранил метлы и швабры с ведрами, вывалилось бесчувственное тело ирландца. На его шее багровели красно-синие кровоподтеки – следы от пальцев неизвестного душителя.

– Боже, – чуть дыша шептал Смородинов, – мы пропали... Срочно пошлите за лучшим врачом... За Родиным... Он скорее всего в городской больнице оперирует, раз не пришел... Но сейчас он нужен здесь!

* * *

Когда подданные его величества Эдуарда VII пришли в себя с помощью немалого количества виски, ничего членораздельного они так и не сказали.

– Какой-то ловкач подкрался сзади, когда я поворачивал коляску его светлости за угол, – хрипел Хью, держа на травмированной шее лед, – и сдавил мне шею. Я сразу вырубился.

Пока ждали доктора Родина, присутствующие стали слоняться по музею. Однако тут обнаружилась еще одна неприятность.

Директор музея вышел в исторический зал, чтобы объявить оставшимся гостям и журналистам о закрытии экспозиции в свете случившегося скандала, да так и ахнул.

– Боже мой, господа...

– Что еще, Савва Лукич? – устало спросил Смородинов, не поворачивая головы.

– Господин Смородинов, что же это... – пролепетал директор, растерянно глядя на профессора и указывая на экспозицию трясущимся пальцем.

Постамент был пуст. Статуэтка «Золотой витязь» исчезла. Вне всякого сомнения, Старокузнецк никогда еще не знал такого позора. Несчастный профессор был близок к обмороку. Сердобольные горожане отвели его к окну, посадили рядом с пострадавшими британцами и налили водки, но не на доньшке, как гостям из туманного Альбиона, а по-русски – всклень². Смородинов выпил не закусывая и прошептал:

– Все зря... Теперь загадку не раскрыть...

После чего сердобольные горожане дали профессору еще стакан водки, осушив который, несчастный успокоился и обмяк. Тем временем Погорельцев послал за полицией и предложил, не теряя времени даром, искать виновника скандала.

Кто-то из посетителей напал сзади на крепыша ирландца, ловко пережал ему сонную артерию, засунул обмякшее тело в чулан и спустил с лестницы несчастного лорда. Но кто? И зачем?

Усатый вахмистр предложил самый простой способ дознания: пересчитать число гостей и выявить ушедших. Но это и не понадобилось – сразу раздались крики:

– А где этот полосатый писака?

В самом деле, таинственный журналист в полосатом костюме и больших очках, крутившийся рядом с лордом, незаметно исчез. Как поймать негодяя? Мнения разделились. Кто-то предлагал немедленно послать вахмистра в погоню, сообщив приметы преступника, благо они были весьма и весьма запоминающимися. Другая фракция считала, что полицию привлекать ни в коем случае не надо, дабы не усугублять скандал, а разыскать мерзавца самим и прищучить.

Окончательно пришедший в себя Погорельцев действовал решительно. Сперва он проверил фамилию журналиста в списке приглашенных при входе и установил, что был это специальный корреспондент газеты «Саратовские губернские ведомости» Иван Абрамович Рабинов. Такое неблагозвучное сочетание привело к очередному взрыву негодования понятно какого содержания. Далее Смородинов вышел на улицу и установил у дежуривших на козлах ванек, куда делся полосатый барин в очках.

– А, так он на Сидоре поехал, вашество, – отвечал крепкий веснушчатый парень, – до телеграфа. За двугривенный.

За виновником ужасного происшествия (а после обнародования его имени сомневающимися, что эту мерзкую каверзу устроил именно он, не осталось) тотчас снарядилась погоня. До телеграфа преследователи во главе с Погорельцевым добежали за пять минут, благо было недалеко. Когда разгоряченные преследователи с криками ворвались в зал, за одним из столов они увидели скрючившуюся фигуру в полосатом костюме. Огромный нос украшали большие очки с толстенными стеклами в черепаховой оправе. Человек что-то быстро писал на бланке телеграммы карандашом, слюнявя его на мясистом языке, и был настолько увлечен этим процессом, что не обратил на разгневанных краеведов ни малейшего внимания.

Между тем самый крепкий из них, широкоплечий бородатый мужчина со значком Союза русского народа на лацкане пиджака, магистр русской истории, доцент кафедры истории сла-

² Доверху (устар.).

вян Никита Зиновьевич Ласточкин первым подлетел к мошеннику, схватил того за шиворот и выволок из-за стола самым неучтивым манером.

– Ну что, попался, иуда! – заорал он на весь зал. – Ты что ж, христопродавец, удумал! Захотел русских историков перед всем миром опозорить, гнида! – и затряс субтильного корреспондента «Саратовских губернских ведомостей» так, что у того очки съехали на самый кончик носа и едва не сверзлись на пол.

– Позвольте, милостивый государь, – начал репортер (разумеется, с легкой картавостью), пытаюсь высвободить свой щегольской пиджак из цепких рук панслависта. – Во-первых, я крещеный православной веры, а во-вторых, я представляю здесь крупную губернскую газету, в которой, если вы не прекратите сей же час свое безобразное поведение, завтра же появится статья о том, как старокузнецкие ученые мужи относятся к прессе! И вообще, господа, потрудитесь объяснить, что здесь происходит? – закончил он свою филиппику, обращаясь уже ко всем присутствующим.

– Сейчас я тебе объясню доходчиво, друг ситный, Иван Абрамыч. – Специалист по древнеславянской истории наконец выпустил из рук пиджак репортера и принялся совершенно недвусмысленно закатывать рукава. Корреспондент медленно попятился к стене, оглядываясь в поисках путей к отступлению.

– Постойте, Никита Зиновьевич, обойдемся без рукоприкладства. В конце концов, мы ведь не шпана какая-нибудь, а люди науки. Давайте лучше посмотрим, что он там писал в своей телеграмме, – сказал Погорельцев, уверенным движением отодвигая слависта в сторону. Затем подошел к столу, поднял бланк к самым глазам и прочитал вслух, так, чтобы всем было слышно:

– Заголовок: «Падение старокузнецкого научного сообщества». Подзаголовок: «Великий британский ученый лорд Мак-Роберт упал с лестницы в музей». И дальше текст заметки: «Малозначительное с научной точки зрения мероприятие, организованное Старокузнецким историческим обществом во главе с проф. Смородиновым, обернулось международным скандалом. Известный на весь мир британский ученый, престарелый лорд Эндрю Мак-Роберт, вот уже много лет страдающий параличом нижних конечностей и передвигающийся в инвалидном кресле, который случайно проездом оказался в Старокузнецке и решил почтить своим присутствием означенное действо, из-за недосмотра и безответственности организаторов упал с лестницы во время церемонии открытия так называемого «Золотого витязя» и теперь находится при смерти. Вот так в очередной раз наши соседи доказали свою полную неспособность к организации даже столь малозначительных мероприятий, не говоря уже о приеме высоких иностранных гостей. Перефразируя известную русскую пословицу, не по Сеньке шапка. Подумать только, в каком неприглядном свете предстала Россия перед почтенным ученым мужем. А обиднее всего то, что есть ведь на Руси-матушке и достойные губернии, да только вспоминать о нашем отечестве британский историк теперь будет с содроганием, и то, если его не погубят старокузнецкие эскулапы. Вашему корреспонденту удалось задать великому ученому несколько вопросов буквально за несколько минут до того, как случился этот ужасный инцидент. Специальное интервью профессора только для наших читателей появится в ближайшем номере газеты. Мы будем следить за развитием собы...» Мда-а... У вас два «несколько» в одном предложении, господин Рабинов, – закончил чтение Погорельцев и многозначительно посмотрел на журналиста.

– Хватайте его, господа. Покажем ему, как мы умеем организовывать значительные мероприятия! – послышалось из толпы, и негодующие историки стали брать незадачливого корреспондента в кольцо, лишая возможности ретироваться. Кто-то уже прихватил его за лацкан. Журналист попытался высвободиться, да не вышло, только лацкан надорвал. В воздухе запахло расправой. – Куда дел «Золотого витязя», подлец?

– Какого еще витязя? – заверещал горе-журналист, чуя, что запахло жареным.

– Господа ученые, отставить самосуд! – послышался вдруг окрик городского, в сопровождении двух дюжих молодцов так кстати для репортера появившегося на телеграфе. – Я имею предписание доставить этого господина в участок для разбирательства. Соблаговолите расступить. – И, обращаясь к своим спутникам, добавил: – Петухов, Мальцев, а нуте-ка, берите этого молодца. Свезем его в седьмой.

Репортер не стал оказывать сопротивления властям, а даже, наоборот, испытал при этих словах вполне понятное облегчение и с видимым энтузиазмом вверил себя в руки охранителей порядка.

Журналиста вывели из здания телеграфа, посадили в коляску и повезли в участок. Кто-то из зевак сказал:

– Глядите-ка, Егор, никак бомбиста заарестовали...

Вскоре место несостоявшейся расправы стали покидать и сконфуженные историки. Кто-то отправился в ресторан «Монмартр» подлечить нервы, кто-то решил вернуться в музей, чтобы посмотреть, что скажет о характере травм доктор Родин.

Тут и раздался где-то совсем рядом душераздирающий вопль, заглушаемый воем собак.

* * *

Родин прибыл в губернский музей быстро, минут за двадцать после того, как в больницу прибежал перепуганный мальчишка. Оставив коляску на улице и кинув вожжи толстяку в униформе, доктор решительно поднялся по широкой лестнице, держа в одной руке свою неизменную трость, а в другой – тяжелый саквояж.

– Что стряслось? Где пострадавшие? – на ходу спрашивал он у знакомых еще по университету историков (исторический и медицинский факультеты находились в одном здании).

– Георгий Иванович! – шептал с придыханием Андрей Киселев, дослужившийся до доцента. – Скандал! Скандал! Какой-то негодяй (думаю, что его вот-вот схватят) придушил английского гостя, сунул его в альков, а другого, старика Мак-Роберта скинул с лестницы! Да еще и украл «Золотого витязя», бедный Смородинов еле дышит!

– Скверно, – хмыкнул Родин, быстро и ловко моя руки в особом рукомойнике. – А где Иван Гусев? Тут ли?

– Ванюша не приходил, – Киселев держал перед Родиным полотенце, – флюс у него, видать, так и не встал с кровати. Ну оно, может, и к лучшему, хоть не видел этот позор. Он, как вы знаете, парень нервический, ученый не кабинетный... Не дай бог до греха бы дошло...

Родин наконец зашел в кабинет директора, где в разных углах лежали на креслах и кушетках пострадавшие. Начать осмотр было решено с самого пожилого: седовласого лорда в клетчатой юбке.

– Милорд, – сказал Георгий, кланяясь, – для меня большая честь вас осмотреть, так как я был давним поклонником ваших книг... Ваш голос – голос отважного путешественника – звучал в моей голове с самого раннего детства...

Старик приподнялся на локтях и пристально посмотрел в лицо молодого врача, расстегивая свою рубашку узловатыми пальцами.

– Благодарю... Для нашего брата комплимент от читателей важнее любого лекарства... Что ж, я думаю, серьезных травм у меня нет, я удачно сгруппировался... А ноги давно не чувствуют боли!

Пока Родин осматривал и пальпировал жилистое тело старика, покрытое старыми шрамами, Мак-Роберт смотрел на его отражение в старинном зеркале.

– А ведь мы с вами встречались, молодой человек, – с улыбкой сказал он. – Правда, немного по разные стороны баррикад, если так можно выразиться.

Родин улыбнулся.

– Неужели вы участвовали в Англо-бурской бойне на стороне Британии? Я всегда считал вас человеком науки, который выше политических дрызг... Здесь не больно?

– Терпимо, терпимо... – Лорд замялся, подбирая слова. – Видите ли, при всей любви к науке и преданности ко всем странам земного шара, я был и остаюсь патриотом Британской империи. Я знаю, у вас, русских, принято бить в спину своей стране, особенно когда она немного пошатнулась. А мы, истинные британцы, такой привычки не имеем. Да, вот тут больно. Перелом? Проклятые кости к старости стали совсем ломкие...

– Нет, сударь, сильный ушиб. Я сейчас натру мазью, сперва будет немного гореть, но потом пройдет... У меня особая мазь, как раз из Африки... – Невольная связь с избитым Смородиновым заставила врача нахмуриться. – Прошу извинить меня, это не мое дело... Просто меня потрясла жестокость британских солдат к мирному населению...

– Я не солдат, – улыбнулся Мак-Роберт, – просто иногда помогаю своей стране. Плачу за долги, знаете ли...

Родин перешел к Хью и принялся осматривать его шею, на которой остались следы от пальцев душителя.

– Я в норме, док, – сказал ирландец, прихлебывая виски, – просто немного неожиданно напал тот сукин сын. Вообще, у меня шея бычья, да подлец попал прямо по артериям, вот и срубил меня.

Пока Родин наносил на шею здоровяка мазь, тот засмеялся, как от щекотки:

– А вот я вас держал на прицеле, док, верите? Вы тогда крутились среди бурских укреплений в полный рост. А я, в отличие от своего мастера, не люблю этих мерихлюндий, я люблю стрелять. А вот мастер Эндрю вдарил мне по винтовке, мол, не стреляй по доктору.

– Спасибо, – только и смог вымолвить Родин.

– Ха-ха, – хрипло засмеялся Хью и закашлялся, – но я-то видел, док, в вашей руке винчестер и видел, как вы подстрелили пару наших парней. Ну-ну, не обижайтесь. Сейчас-то мы вместе, и я благодарен и мастеру Эндрю, и святому Патрику, что тогда вас не подстрелил. Вот вы теперь мажете мне шею этой болотной слизью, и опять же, слава богу, что все хорошо кончилось. Сдави тот негодяй мои жилы чуть сильнее – а пальцы у него железные, клянусь крестом святого Петра, – может, мы бы уже и не разговаривали.

После осмотра ирландца Родин наконец перешел к Смородинову, валявшемуся на кушетке с задранными ногами и тупо смотрящему в потолок.

– Денис Трофимович, как ваша спина?

– Спина прошла, Георгий, – равнодушно вымолвил профессор. – А вот сердце разбито. Помните, двадцать пять лет назад мы вместе с вами, Ванюшей и его отцом, Афоней Гусевым, лазили по крымским скалам и верили, верили, черт возьми, что где-то тут есть вход в сокровищницу... Вы, наверное, не помните, вы были еще совсем малы...

– Помню, – ответил Родин. – Отец Вани разбился, и мы вместе с ним смотрели на его останки...

– Да, – простонал Смородинов, – он пытался подняться по отвесной скале без страховки... Только потом я понял, что нельзя найти вход в сокровищницу без ключа – без этого «Витязя»... И все. Его нет. Он похищен. Все, смерть Афони Гусева и самое жизнь моя, все было зря.

Он налил себе еще полный стакан водки и выпил, после чего сложил руки на груди, как покойник, и отстраненным взглядом уставился в потолок.

– Ладно, коллега, – отозвался со своей лежанки Мак-Роберт. – Не стоит предаваться унынию. В конце концов, мы живы, а все эти игрушки не стоят нашей бессмертной души.

Смородинов надулся и уткнулся лицом в подушку. Конечно, легко так говорить британцу, всемирно известному охотнику за сокровищами, богачу и прославленному ученому.

У старокузнецкого же профессора это было первое и, по своей сути, самое главное открытие всей жизни, а может быть, и последнее. Каково же знать, что смысл всей твоей жизни, хрупкий мостик к счастью – украден, похищен, и все в тебе сломано и признано бессмысленным и зряшным.

– И Стрыльников... Ведь даже не посовестился прийти на мою выставку! Подошел ко мне, перегаром дышит, портмоне свое показывает, карту сует, подмигивает, кривляется – мол, договоримся! Слава богу, тут пресса была, коллеги, гости... А то бы ведь он и не побоялся опять побить меня палкой. И все равно – мол, давай приходи после своего сабантуя в ресторан «Монмартр», там и обсудим все по-деловому!

На этих словах несчастного Смородинова передернуло.

– Я бы ни секунды не усомнился, что это именно Стрыльников придушил мистера Хью, пытался погубить лорда Эндрю и похитил «Золотого витязя»... Только я лично видел в окно, как он сел в коляску и укатил к «Монмартру», благо ресторан тут в двух шагах... Ничего, ничего не понимаю... Вот возьмите, кстати, нашу брошюрку, изданную в честь открытия нового экспоната. Мы вместе с Ванюшей Гусевым издали... Там подробно написано и про «Витязя», которого мы потеряли...

Родин сунул книжечку в карман, подошел к окну и распахнул его.

– Успокойтесь, профессор. Кстати, где Иван?

– Ушел домой, я сам его отпустил... – Смородинов жадно вдохнул свежий воздух. – Слава богу, он не видел этого позора, иначе обязательно ввязался бы в драку. Ох, как бы этого не хотелось... Сегодня и так пролилось много крови...

И тут, словно в подтверждение этих слов, с улицы раздался дикий крик, сопровождаемый собачьим воем.

* * *

Ресторан «Монмартр» был одним из лучших в Старокузнецке, а может, и самым лучшим. Тут отдыхала самая богатая публика, яства и вина были самые роскошные, а девицы – самые свежие и красивые. Садик там тоже был разбит самый что ни на есть аристократический: с фонтанчиками, скамеечками и плевательницами, и старый покосившийся заборчик с мусорной кучей был совсем не виден.

Уже под вечер углежог Архип Кукин по прозвищу Шишка по своему обыкновению выкатил старую скрипучую тележку на двор и направился к дровешнице. Псы чего-то развылись. Не к добру. Архип поежился, протяжно зевнул, перекрестив рот, и не спеша, с достоинством двинулся в сторону хозяйственных построек, расположенных на заднем дворе «Монмартра». Каждую ночь он доверху нагружал свою таратайку дровами (выходило пудов шесть) и шел на кочегарку, где в течение нескольких часов жег угли для кухонь ресторана, чтобы к утру были «с пылу с жару». Сегодня надо было поторапливаться: в ресторане гулял главный клиент – фабрикант Стрыльников, и на кухне требовали «жара ста преисподен». Значится, дров и углей побольше, это повара так шуткуют.

А Стрыльников гулял который вечер уже. Прикатил на извозчике с какого-то музея – говорит, дурацкого, – угрюмый, как всегда, и уже слегка выпимши, тоже дело обычное.

Первым делом заказал пять фунтов паюсной, да ведро водки, да блинов, да расстегаев (потребовал не каких-нибудь, а от Филиппова), да индейку с гречневой кашей. Потом велел подать устриц, кролика, фаршированного лисичками, копченую стерлядь и рябчиков.

Потом начал уж чудесить, по своему обыкновению. Заказал «Вдовы Клико», непременно в серебряном ведерке. Старшой смены послал за шампанским молодого Женьшу к Филистратову, да еще дал три целковых, чтобы на лихаче домчал, а не плелся на унылом ресторанном

мерине Поручике. За быстроту Стрыльников швырнул на пол скомканный колобок червонцев и принялся с шумным хлюпаньем пить шампанское из кружки богемского стекла.

Потом Федосею зарядил огромным кулачищем в глаз, отчего тот слева стал похож на желтокожего китайца: упал с потолка клоп, да и куснул миллионщика в бычью шею. Дело-то пустяшное, но не такой Никанор Андреич человек, чтобы подобное обхождение спускать, пусть бы даже и букашке. Жука-то он с размаху прихлопнул, так что и мокрого места не осталось, а Федосею с такой же силой и беспощадностью дал в глаз за недостаточное рвение и «чтоб впредь неповадно было».

Потом начал требовать, чтобы спела Жюли, словно забыл, что сам вчера лишил ее трудоспособности: еще полнедели, как минимум, бедной певичке придется ждать, когда заживут губы, разбитые огромной ладонью. Потом наорал на какого-то трясущегося приказчика, вытолкал его вшаей из ресторана и потребовал еще жаркого.

Официанты с ним умаялись. Всю ночь, а потом и весь день сновали туда-сюда, подменяя друг друга. Совсем с ног сбились. А как иначе-то? Промышленник Стрыльников – миллионщик, самый главный клиент.

Да что там! Глыба, а не человек. Росту огромного, почти три аршина, кулачищи – гири пудовые. А уж как засмеется или заругается – стены трясутся. И сейчас ясно: тоскует человек, носится со своими скалами, сокровищами, карту эту из рук не выпускает...

Когда таратайка Шишки неожиданно уперлась во что-то большое и тяжелое, чего возле дровешницы быть никак не должно, он даже не сразу и сообразил, в чем дело. Рогожа, что ли, какая? Подошел поближе. Сапожищи огромные, роскошной коричневой кожи с замшевой отделкой. Ах ты господи, святые угодники, неужели?..

Перевернул Архип лежащего с великой осторожностью. А как перевернул, так и сделалось у него помутнение в глазах. Прямо на него смотрели вытаращенные глаза фабриканта Стрыльникова, мертвый синегубый рот разинут до самых гланд, толстые пальцы впились в ладони, а все окровавленное лицо раскорячилось в гримасе невыразимого ужаса.

Тут-то и издал Шишка такой крик, что, казалось, всему городу было слышно, как дрожали и лопались жилы в его луженой глотке.

Глава четвертая

К сарайчику Шишки сразу сбежалась толпа любопытных – из редких вечерних прохожих, посетителей музея и самых проворных клиентов ресторана. На счастье, оказавшийся неподалеку околоточный был из числа старых служак, и он тотчас оценил обстановку и среагировал по обстоятельствам: пронзительно засвистел, призывая подмогу; огородил место происшествия; отогнал всех зевак подальше; приказал, чтобы швейцар закрыл дверь в ресторан и никого оттуда не выпускал, и послал ресторанный лихача в полицейское управление скакать, что зарезали самого Стрыльникова. Вскоре подоспели городовые и несколько дворников, которые неторопливо выстроились в полноценное оцепление и развели костры, чтобы ничего не проглядеть в темноте.

Полиция не заставила себя долго ждать. Несмотря на поздний час, уже скоро примчалась полная сыскная группа, возглавляемая дежурным полицейским надзирателем коллежским секретарем Чеботаревым: судебный фотограф, несколько полицейских и вольнонаемных сыщиков. Все сразу энергично принялись заниматься каждый своим делом: сыщики – опрашивать свидетелей, фотограф – делать снимки, ослепляя всех магниевой вспышкой, Чеботарев – деловито, но бестолково покрикивать и документировать осмотр (он был еще молод и неопытен и ждал, пока приедет начальство, чтобы поручить дело специалисту поопытнее).

– Дело серьезное, – сразу сказал Чеботарев, – нужен опытный судебный медик, наш штатный такое дело не потянет.

– Прикажете послать в медицинский институт? – осведомился околоточный.

– Там давно закрыто, на дворе ночь. Да и медики нужны сильные, у нас в городе их всего трое... Пошлите в губернскую больницу и просите, чтобы старший врач Юсупов приехал... И к Родину, это даже еще лучше, только до его практики далековато ехать...

– Вам повезло! – сказал историк Ласточкин из-за оцепления. – Доктор Родин находится в полверсте отсюда, в краеведческом музее. Скорее всего, он уже сам бежит на этот вопль, как сделали и мы.

– Если здесь появится Родин, на половину загадок мы найдем ответ, – пробормотал Чеботарев, вглядываясь в даль. Он прекрасно знал, что Родин часто консультировал полицейское управление в качестве судебного медика и это привело к раскрытию сложнейших и запутанных преступлений.

Вскоре, получив весть об убийстве столь важного человека, примчался и сам начальник губернского полицейского управления полковник Мамонтов, а вслед за ним и старший полицейский надзиратель капитан Гаврила Михайлович Торопков, которому и поручили руководить дознанием – вполне разумное решение. Гаврила Михайлович был уже не молод – пару лет до пенсионера, службу начал с молодых ногтей с самых нижних чинов, учил хитрую полицейскую науку не по страницам учебников, а на городских улицах, и хоть звезд с неба не хватал, зато был очень терпеливым, исполнительным и дотошным.

Он был высокий, крепко сложенный, с длинными сильными руками. Лицо некрасивое: по-лошадиному вытянутое, с длинным грубым носом, седеющими усами и оттопыренными ушами, зато зеленые глаза смотрели всегда с добродушной искоркой даже на самого отъявленного бандита. Одевался он аккуратно и неприметно, как и положено по работе, в серое штатское платье.

Торопков проверил, как опрашивают свидетелей, и начал лично внимательно осматривать грязную площадку, ограниченную с двух сторон деревянным забором, с третьей – мусорной кучей и невысокой дровешницей, а с четвертой – сарайчиком, где проживал Шишка. Острый глаз сыщика сразу заметил болтающуюся доску в середине забора, освещенного одиноким фонарем, в двух саженях от которой и валялось в луже скорченное тело.

– Господа, запротоколировали в заборе отверстие? Очевидно, убитый вместе с убийцей пролезли сюда именно этим способом, – неожиданно для всех сказал, прорываясь сквозь толпу завзвонив, Георгий Родин с неизменным докторским саквояжем и тростью.

– Георгий Иванович, голубчик, – засуетился Торопков, – это, видно, само Божье провидение послало вас сюда, – и он тепло обнял доктора. – Я буду сей же час ходатайствовать у господина полковника, чтобы он подключил вас к расследованию сего злодеяния в качестве судебного медика. Прошу вас, без ваших советов мы тут, как кутята слепые, будем тыкаться.

Впрочем, Родин не возражал. Он поздоровался за руку с сыщиками и подошел к телу, накрытому ресторанной скатертью.

– Ну, ежели Георгий Иванович нам на подмогу пришел, почитай дело раскрыто, – прошептал один из пожилых сыщиков молодому. – Видал я, как он посмотрит труп, да и все загадки разгадывает.

– Ну тут все ясно, – произнес Родин, осматривая голову мертвеца, – череп разбит, хотя осколков и мозгового вещества не видно, очевидно, внутреннее кровоизлияние.

– Георгий Иванович, а что он рожу-то так скособенил? – спросил кто-то из сыскной группы. – Как будто кто напугал его до смерти. Нынче, говорят, из могил вурдалаки восстают...

– Наивные суеверия, – отрезал Родин. – Очевидно, задеты нервные окончания, это и вызвало сокращение лицевых мышц. Ничего сверхъестественного. Я отчет по первичному осмотру напишу, а вскрытие пусть ваш штатный медик делает. Ничего тут интересного для меня.

Между тем Торопков внимательно осмотрел две доски от забора, что валялись на земле, и обнаружил на них несколько черно-зеленых лоскутков от добротной одежды, видимо, от пиджака погибшего Стрыльникова. Несколько капель крови были заметны и на земле вокруг растопыренного тела. Родин снял лоскутки и завернул их в бумажный пакетик, а доску приказал забрать – для химической экспертизы.

Тем временем сыщики уже разбили посетителей и обслугу на группы и сноровисто их опрашивали. Выходила следующая картина. Стрыльников пришел в «Монмартр» часов в шесть вечера, немного огорченный, пил не больше обычного, чудил так же. Ближе к полуночи в ресторан зашел тощий приказчик с перевязанной щекой, он прошел по залу, подошел к сцене, но за столик не сел, и вышел вон. Примерно через десять минут он вернулся ко входу в ресторан и стал просить у швейцара Пантелеймона, чтобы тот позволил передать господину Стрыльникову записку лично в руки. Швейцар разрешил. Приказчик передал записку, а потом быстро вышел и двинулся по тропинке в сторону забора. Стрыльников прочел записку, быстро собрался, швырнул на стол пачку ассигнаций и вышел из ресторана вслед за приказчиком. Оба скрылись с глаз Пантелеймона. А где-то через четверть часа все услышали вопль углежого.

Словесный портрет основного подозреваемого, к сожалению, был весьма скудным и недостаточным для розыска. Тем не менее швейцар, отставной солдат, оказался глазастым и описал подозреваемого так: высокий, худой, с жиденькими черными усишками. На голове – картуз, да еще и щека перемотана белым полотенцем – отчего рожи его почти не было видно. Одет был как купеческий приказчик – в поддевку немецкого покроя, рубаху навывпуск, плисовые штаны да сапоги.

Вскоре подъехал судебный следователь Швальбе, подтянутый мужчина лет тридцати. Он вступил в должность всего год назад и посему сразу доверил все дознание более опытным коллегам из сыскного отдела. Это сильно облегчало дело.

Торопков приказал задержать на всякий случай официантов, что обслуживали фабриканта, и обнаружившего тело Шишку. Всех их отправили в участок – к утру придет судебный рисовальщик, чтобы изобразить личность подозреваемого, а затем подъедет и Швальбе, чтобы допросить каждого обстоятельно и вдумчиво.

Далее стало ясно, что приказчик и Стрыльников прошли через лужайку перед рестораном, свернули за угол, затем через дырку в заборе пролезли на пустырь. Тут массивный фабрикант, видно, застрял, отчего и отодрал напрочь две доски. А затем получил удар в висок тяжелым тупым предметом. Он с трудом выбрался из дыры в заборе, оставив на досках лоскутки от своего пиджака, сделал несколько шагов и упал лицом вниз.

Главное, что показал обыск тела, – карты Чертовых скал, с которой фабрикант не расставался, обнаружено не было.

* * *

Весь следующий день горожан будто пыльным мешком ударили. Новость об убийстве Стрыльникова выбила из колеи всех – от сопливых гимназистов до престарелых обитательниц дома призрения. То и дело слышалось:

- А Стрыльников-то, Стрыльников! Допился-таки!
- Да уж, пожалуй. Такие-то только с виду крепкие, а нутро поди все коньяками изъедено!
- Да нет же! Ножиком в печень его – и поминай как звали!
- Английский пэр насмерть убился!
- Уж из Петербургу расследовать едет целая комиссия! Все чинами не ниже тайного!

Кроме того, поскольку, что произошло на самом деле, почти никто не знал, каждый следующий рассказчик прибавлял какую-нибудь мелочь от себя. В итоге дело обросло такими ужасными подробностями, что будь это правдой, в город следовало бы вводить войска.

Начальник губернского полицейского управления полковник Мамонтов и начальник губернского же жандармского управления подполковник Радевич так растерялись, что упустили возможность поймать преступников по горячим следам. Пока отдали приказ перекрыть заставы и обложить вокзалы, прошло уже часов восемь с момента убийства. Стрыльников ведь был из самых зажиточных фабрикантов России. Много он бесчинств натворил, но, с другой стороны, много и подношений преподнес – как Мамонтову, так и Радевичу. Перекрыл лиходей жилу, теперь придется пояса подтянуть. Со всех сторон худо выходило.

Теперь про лорда. Он, как человек порядочный, обещал не доводить дело до международного скандала и даже кротко просил не обращать на это внимания: мол, с лестницы он мог и сам скатиться, и Хью массаж шеи только на пользу пошел. Но разумеется, делу о покушении на подданных Британии был придан статус первостепенной важности.

– Не имею права отвлекать господ полицейских от более важных дел, – с кроткой улыбкой отвечал сэр Эндрю. – И не желаю прерывать свой давно запланированный вояж по Российской империи, хотя это уже второстепенно. Я не предъявляю ни к кому претензий и прошу меня не задерживать. У меня нынче же поезд в Екатеринодар, и обижать моих читателей я не имею права, даже и для поимки мифического злоумышленника. Ежели тот толстяк газетчик в самом деле меня столкнул ради сенсации, то я его прощаю. Пусть будет сенсация!

Тем не менее господина Рабинова отпускать, разумеется, никто не стал, да и не до него было. Не успели проводить британцев до поезда, как новая напасть: приезжают сыщики из столицы. Это значит весь город будет на ушах стоять. Еще до обеда поступили две телеграммы. Приведем их ниже:

Приказ № 23Д – 3409
от 24 апреля 19** года

ПРИКАЗЫВАЮ:

Взять под особый контроль сыскные мероприятия по расследованию убийства г-на Стрыльникова, для чего командую из столицы лучших специалистов сыскного дела. Предписываю оказать им полное содействие.

Министр внутренних дел

Петр Столыпин

Телеграмма № 457 (б)

от 24 апреля 19** года

СЕКРЕТНО

На основании полученных нами из Министерства внутренних дел сведений об убийстве г-на Стрыльникова ввиду его особой государственной важности требую арестовать убийцу в кратчайшие сроки. Гарантирую максимальную помощь военного министерства.

Военный министр

А. Ф. Редигер

* * *

Прием у Родина начинался с десяти утра, и поэтому, когда дверной колокольчик затрещал без трех минут девять, он завтракал на кухне в своем просторном домашнем халате. Бесцеремонно отодвинув в сторону Евдокима, на пороге появилась запыхавшаяся молодая брюнетка.

– Катя? – привстал Родин со стула. Рот у него был набит бутербродом, и поэтому прозвучало имя красавицы неразборчиво.

Девушка сняла тонкие перчатки, без церемоний подошла к столу и уселась на венский стул.

– Георгий, я к тебе по делу.

К Родину вернулось самообладание, он снова опустился на стул и отхлебнул чаю.

– Катя, я, как ты знаешь, по женским болезням не практикую, да и если бы практиковал, с тобой работать не стал. Все же ты для меня много значила, и... Иди лучше к Юсупову в городскую, он поможет...

– Георгий, я к тебе не как ко врачу. О, новая сахарница! Забавная...

– Ну, прошлую ты расколотила.

– Так было за что!

– Сахарница ни при чем, она от мамы осталась.

– Если бы не строил глазки этой Полинке, мы бы до сих пор были вместе!

– Никому я ничего не строил, это просто дочка моего доцента, и ты это прекрасно знаешь!

Катя, хватит убивать уже убитую историю!

Брюнетка вспыхнула и нервно сжала в руках сахарницу (которую чуть было не постигла участь предшественницы), но потом поставила на стол.

– Георгий, ладно. Все это давно прошло. И я к тебе не как ко врачу. Я к тебе как к сильному, храброму и надежному мужчине.

Брови Родина поднялись вверх.

– Да! Да, ты сильный, храбрый и надежный, и я всегда так думала! А все, что я говорила про твое безрассудство, – это от моей экспрессивности. И молодости, да! Я была молода и не понимала, чего хочу.

– Похоже, Катя, сейчас ты хочешь чего-то очень недостижимого, если уж пускаешь в ход такие приемы. Итак?

– Найди похищенного «Золотого витязя»...

Родин с трудом сдержался, чтобы не выпрыснуть изо рта чай фонтаном, как кит.

– Да, «Витязя» и карту Чертовых скал. Ты не ослышался. Никто кроме тебя это не сможет, понимаешь? Никто!

– Погоди, Катя. Во-первых, я не сыщик и никогда им не был. Во-вторых, этим делом занимается полиция, лично Торопков, под патронажем чуть ли не самого государя...

– Не занимается! – перебила брюнетка. – То есть занимается, но убийством Стрыльникова, а на «Витязя» им плевать! И карту они считают дурацкой безделушкой, а это ключ к сокровищам Ахмет-бея...

– Стоп-стоп-стоп! – Родин хитро улыбнулся. – Катя, ты как-то странно изменилась...

– Хватит так на меня смотреть!

– Я не в этом смысле. Откуда у тебя все это? «Витязь»? Ахмет-бей? «Зеркало шайтана»? Ты же никогда этим не интересовалась, и даже... Даже когда я уезжал на раскопки с Ваней Гусевым и профессором Смородиновым, ты считала это дурацкой блажью и...

Тут Родин осекся и замолчал, пристально глядя на Катю.

– Так... Ну да, все лежало на поверхности. Ваня? Ваня Гусев?

Брюнетка покраснела, но гордо вскинула голову.

– Да! Да, Ваня Гусев! А чему ты удивляешься? Мы же выросли вместе: я, ты и он, играли на одной улице и вместе слушали истории Ваниного отца... Только ты считал себя героем-любовником, красавцем и храбрецом, а его – сельским дурачком на ярмарке. А потом, потом, уже когда мы с тобой расстались, я случайно встретила Ваню в университете, у нас же кафедры на одном этаже... Разговорились, и я поняла, что именно он – тот, кого я ждала и искала всю жизнь, через ошибки, слезы и боль...

– Премного рад вашему счастью, – сухо прервал ее Родин. – Засим прошу не мешать моему завтраку, ко мне через час придут пациенты.

– Ты не понял, Георгий. Ты в самом деле ничего не понял. – Брюнетка вдруг вскинула голову, тряхнув копной роскошных волос, и заговорила совсем другим голосом – низким и волнующим грудным контральто. – Выслушай меня.

– Катерина! – Родин смутился. – Это не самый честный прием, ты это знаешь. Я всегда терял голову от твоего голоса... Но сейчас тебе это не удастся. Все, что между нами было, давно прошло и не вернется. Тем более что-то делать ради Ивана, и даже не ради Ивана, а ради твоей любви к нему? Да и что делать-то? Пойти туда не знаю куда и так дальше? Давать такие поручения очень на тебя похоже, но будь добра, отдавай их не мне, а своему, с позволения сказать, жениху. Вот. – И он, немного смутившись от такого напора, подлил себе в стакан чаю.

– Иван стал сам не свой после этих событий. Словно проклятие этих ужасных Черных скал преследует Ивана с самого детства. Не мне тебе об этом говорить, ты и сам прекрасно все знаешь.

Родин насупил. Он в самом деле знал и помнил все: как отец Ивана, профессор Афанасий Гусев, околдовал этой легендой мальчишек – Ваню и Георгия, как взял их в Крым на раскопки, но не успел приблизиться к разгадке тайны – что вход в сокровищницу находится в скале, – как сорвался и разбился насмерть практически на глазах сына и его маленького друга.

– После гибели отца, когда Ваню взял под опеку Смородинов, они как одержимые искали эти сокровища, и вот когда нашли, да, я повторю, нашли два главных ключа в пещеру, оба ключа пропали! Старый профессор слег, а Иван сам на себя не похож. Бледный, глаза

горят, кулаки сжимает... Я не знаю, что он с собой сделает... Говорит – пора в дорогу, пора... А куда? Некуда! Георгий, ради нашей любви, ради того, что между нами было, помоги своему лучшему другу! Помоги мне, ведь я люблю его и так хочу видеть счастливым! Я хочу, чтобы он нашел свое счастье со мной, и не могу видеть, как он мучается!

– Когда намечалась свадьба? – хмуро спросил Родин.

Катерина засмеялась, грустно и горько.

– Какая свадьба, Георгий? На что? Ваня – нищий адъютант, и я бесприданница. Мы оба верили, что он найдет сокровища, пусть не как в легенде, в это никто не верит, даже он. Хотя бы небольшие, чтобы хватило на домик на берегу Волги, чтобы просто жить как люди, преподавать в университете, состариться и умереть! Теперь этого ничего не будет, никогда!

Катерина подошла к Родину, и он вдруг обратил внимание на непозволительно глубокий вырез на платье.

– Георгий, я прошу тебя. Помоги найти сокровища, и я все сделаю для тебя... – она склонилась и вдруг поцеловала Родину, совсем не так, как раньше, робко и неумело, а с жаром и страстью безысходности.

Молодой мужчина отстранил красавицу.

– Катерина, не надо. Я, возможно, не самый порядочный человек, но все же не настолько.

Брюнетка вернулась на стул, и по ее выражению лица трудно было понять, что она испытывает: разочарование или облегчение. Хозяин налил чаю во второй стакан, капнул несколько капель темного пахучего бальзама из глиняной бутылки.

– Тебе два куска сахара? Как всегда?

Катерина кивнула.

– Выпей и успокойся. Теперь давай по существу.

– Мне так нравится этот твой серьезный голос! Он успокаивает лучше любого бальзама!

Да-да, я все расскажу! Вот посмотри в эти записи!

Вдруг она замерла и посмотрела на Родину с восхищением.

– Самое главное, что эти сокровища реальны и что мы всего в шаге от того, чтобы взять их в руки!

– Ты знаешь, Катя, я готов помочь тебе и Ване ради вашего счастья, и старику Смородинову тоже, а сокровища меня особо не интересуют. Слава богу, какой-никакой доход имею...

– Ты не понял, ты опять ничего не понял, – брюнетка снова стала серьезной. – Ты же помнишь про «Зеркало шайтана»?

– Которое может уничтожить весь мир? Ну, вы с Ваней что, всерьез верите в эти сказки? Как зеркало вообще может что-то уничтожить?

– Зеркало – это всего лишь поэтический образ мощнейшего оружия древности... Мы не смогли разгадать загадку, что это было – греческий огонь, беккерелевская самопроизвольная радиоактивность солей урана, лучевые параболоиды, либо что-то иное...

Родин фыркнул.

– Да! – Девушка вскочила. – Мы изучили все хроники, все летописи: выжженная земля, взорванные города и горы трупов на пути «Зеркала шайтана». Реально! Реально, повторю! Если оно попадет в руки злодеев наших дней, то грядет небывалая бойня в мировой истории! Пони-маешь, сейчас, когда грядет великая война, «Зеркало шайтана» может спасти нашу несчастную страну или навеки ее уничтожить.

Родин снова фыркнул, но на сей раз менее скептически.

– Если сопоставить это с тем, что Стрыльников получил какой-то крупный заказ от военного министерства... что искал «Зеркало» как одержимый... А теперь он убит, военный завод строиться не будет, карта украдена...

Брюнетка подошла к Родину и снова его поцеловала, но теперь как мать, благословляющая сына на ратный подвиг.

– Спаси нашу страну, Георгий! Порази дракона!

* * *

Георгий принимал пациентов, как всегда внимательно выслушивая каждого, пальпируя, ставя диагноз, выписывая рецепты, и только самые близкие люди, такие, как няня Клавдия Васильевна, могли увидеть, что его мысли где-то далеко. Но старушка лишь улыбалась: она всегда радовалась, когда ее барин начинал превращаться из аптекаря в удалого ушкуйника.

Она улыбалась, и на ее мутноватые глаза начинали наворачиваться слезы:

– Не зря, чать, Пётра жизнь на него положил...

Муж ее, Петр Егорович Щекин, бывший разбойник и отставной солдат, вырастил юного Георгия в новгородской усадьбе, когда от мальчика отвернулся отец и братья, считая его виновным в гибели матери.

А сам Родин думал, что же ему делать. Он тоже вспоминал свое детство, когда остался один, окруженный холодным отношением своей семьи, и спасли его от одиночества соседи по улице – Ванюша Гусев с отцом. Мальчики часами слушали истории про несметные сокровища, крымских разбойников и отважных казаков. А потом Гусев-старший разбился в горах, и доселе счастливый Ванюша оказался вдруг куда несчастнее своего приятеля Георгия, и поиск сокровищ стал для него (равно как и для его опекуна Дениса Смородинова) единственным смыслом жизни.

В груди Родина снова стал теплиться огонек азарта, зажженный еще в детстве дедой Пётрой: ничего не бояться, всегда лезть вперед, «а то так и будешь, как батюшка, – аптекарем. Тот он и не улыбается никогда: мужчине не в склянках надо копаться, а на коне скакать, саблей рубиться да на кулаках драться».

– Нянюшка, – сказал наконец Георгий, отпустив последнего пациента.

– Что, касатик? – Клавдия Васильевна подошла быстрым, легким шагом и погладила воспитанника по голове.

– Нянюшка, идти? Или не идти?

Старушка улыбнулась. Она не спросила «куда идти», ей и так был прекрасно понятен смысл этого вопроса. Идти – это значит встать с уютного места и променять его на такое, где придется спать на голой земле, пить растопленный снег, есть грибы и гадов, а то и сырую могильную землю. Зачем? А ни за чем. Мужчины не задают такие вопросы. Они просто идут.

Она перекрестила Георгия и поцеловала его в лоб с той же радостной улыбкой.

– Главное, возвращайся, Енюша.

Да он и сам понимал, что идти надо. Не только ради Кати и Вани, ради Афанасия Гусева и Дениса Смородинова, и, конечно, не ради сокровищ и даже не ради мира на земле и существования самое России, сколько ради вольного духа дороги, азарта охотника и счастья свободного мужчины.

– За аптеку не беспокойся, Николай управится. А пациенты в земскую больницу к Юсупову походят. Ну и хозяйство в руках надежных, не сомневайся...

Георгий взял руку старушки и поцеловал ее.

* * *

Родин решил прогуляться до полицейского управления пешком, чтобы тщательно все обдумать. Он быстро шел, стуча тростью по тротуару, мысли роем кружились у него в голове, а в уши словно шептали, как это было и в жизни, дед и батюшка.

– Енюша, – суетливым тенорком тараторил отец, – ну какие сокровища, какой шайтан, прости господи... Бредни сумасшедшего старика да игрушки мальчишки Гусева... Отец его

шею свернул из-за этих сокровищ, самого Стрыльникова из-за них ухайдакали, и тебе того же надо? Неужто из-за Катюшки решился? Так она ж Ваньку любит. Эх, Енюша-Енюша... когда ж ты повзрослеешь? Все ведь у тебя есть, и аптека, и практика, ан нет... В кого ж ты такой?

– Не слушай его, – хрипел сорванным басом дед, – в тебе ж наша кровь, родинская! Искать, спасать, любить, гореть! А иначе незачем жить! Умереть и вспыхнуть, как я, а не погаснуть, как твой отец! Не надо думать! Надо делать! Ради того, чтобы жить!

Но ни отца, ни деда давно не было в живых, и Георгий теперь мог принимать решение сам, не слушая их докучливых голосов. Хотя в детстве терпеливый и послушный мальчик разрывался между своими воспитателями: отцом, тихим и скромным фармацевтом, и дедом – знаменитым на всю Россию перекупщиком зерна.

Дед, Григорий Евдокимович Родин, держал крохотную меленку в Пензенской губернии, жил в курной избе и ходил в лаптях; со временем стал успешным негоциантом и сколотил небольшое состояние на зерне, успешно торгуя с северными губерниями России. Про него говорили: «не может больше минуты усидеть на месте» и «шило в одном месте». Свой беспокойный нрав и любовь к риску и приключениям Григорий Евдокимович не смог передать сыну, зато полностью дал внукам.

Отец же, Иван Григорьевич, не желал идти по стопам отца и заниматься зерновыми negociями. Впрочем, и старый Григорий сам был против этого: и характером и здоровьем тот пошел не в него, был хилый, робкий и слишком правильный. Так что отправил сына учиться на аптекаря, ремесло благородное и богоспасаемое. Получив образование провизора, Иван Родин открыл небольшую аптеку в Старокузнецке, где и работал, изредка помогая отцу с его зерновыми делами.

Братья Георгия – Сева и Борис – пошли в деда, были задиристыми и смелыми, настоящими башибузуками. А вот младший сын, никем не любимый в семье, изо всех сил старался понравиться отцу и потому старался большую часть времени находиться в аптеке, а не на зерновых подводах.

Только после гибели деда Георгий стал проводить каникулы в имении бабки, играя с крестьянскими и дворовыми мальчишками. Большое влияние на него оказала пожилая нянюшка Клавдия Васильевна и ее муж Петр Егорович, бывший разбойник и отставной солдат. Деда Пётра и приохотил Георгия к палочному и рукопашному боям.

Шло время. Старшие братья покинули Ивана Григорьевича, состарившегося в своей аптеке, а вот Георгий хотел, чтобы мечта отца сбылась. Он закончил медицинский факультет и стал городским практикующим врачом, разместив свою практику рядом с аптекой уже совсем большого батюшки.

Когда Иван Григорьевич лежал на смертном одре, он прошептал сыну:

– Вот не стал ты башибузуком, как братья... Хорошая профессия... Прибыльная практика... Моя аптека не пропадет... Счастлив?

– Да, батюшка, – отвечал Георгий.

– Ну, значит, не зря я тебя от этого отваживал, не зря...

– Не зря, батюшка.

– Ты прости меня, Енюша... Прости, что не дал тебе той любви, что ты заслуживаешь... Мама бы сейчас была очень рада и горда... Она отдала тебе всю свою любовь, красоту, мудрость...

Георгий заплакал. Отец никогда такого не говорил, как и никто вообще в его жизни.

– Поцелуй меня и зови отца Феликса. Да погоди, не все еще. Прости, что, может, против воли твоей держал тебя при аптеке. Хочешь – хоть сей час ее продай и ступай, как дед говорил, ветер ловить. Как я всю жизнь хотел да трусил. Это мой отцовский приказ и благословение. А теперь иди. Иди.

Родин шел по мостовой, по щекам его катились слезы, а на губах блуждала странная улыбка.

Конечно, он найдет «Зеркало шайтана». Не для Гусева или Катюши, а для России, для деда, для отца, для мамы, для деда Пётры и, конечно, для себя самого.

Ему предстояло сделать еще много дел. Но начать, видимо, следовало с визита в полицию. Он сгоряча отказался вести это дело как судебный медик, а, видно, зря. Пусть причина смерти была очевидна и сам случай не особо интересен, но это единственная возможность войти в состав сыскной группы в роли судебно-медицинского эксперта – других способов добраться до похитителя карты не было.

Кроме того, старший полицейский надзиратель Торопков был силен в преступлениях, совершенных по старинке, он знал всех «деловых людей» и босяков, а если убийство фабриканта и впрямь политическое преступление, а то и результат шпионажа, то старой ищейке могла и впрямь понадобится помощь молодого врача, который побывал на двух войнах и умел различать жемчужину в куче кровавой грязи.

* * *

К управлению Родин пришел в восьмом часу вечера и сразу направился в кабинет Торопкова. Тот тепло его принял, и сперва оба предавались воспоминаниям о прошлых делах, обстоятельства нынешних происшествий почти не затрагивали. Георгий выжидал долго, как мог, и наконец, словно невзначай промолвил:

– А это дело, со Стрыльниковым... поди раскрыли?

Сыщика словно прорвало. Он обхватил голову руками:

– Ох, Георгий Иванович, Георгий Иванович! Это ж надо! Год! Год до пенсионера! И было бы что по моей части... выслал своих молодцов на рынки, в притоны, на торжища... Те сами злющие: Стрыльников-то им на общее платил, арестантам помогал, говорят, мол, сами найдем да накажем – ан некого! Похлопотал по гастролерам, и те ничего не знают. А проверяющие уже завтра утром приедут! Полетят головушки! У него же заказ был от министерства военного на производство пушек и снарядов для флота... Так теперь все!

Родин сокрушенно покивал головой, а Торопков вскочил, нервно походил по кабинету и снова сел.

– В таких случаях, ежели меня не подводит мой опыт, следует верить своим глазам.

– А что говорят вам ваши глаза? – улыбнулся Родин.

Тем не менее Торопков заметил:

– Что убийство в самом деле совершил приказчик, у которого болели зубы.

Родин поднял брови:

– Клобук еще не делает монахом. Одевшись как приказчик, не каждый станет приказчиком...

– Да, да! Все это я понимаю. Но! Это ж надо – прийти в ресторан, когда там сотни людей, прилюдно вызвать жертву во двор и там проломить ей череп камнем, который валяется под ногами. Мне думается, что до смертоубийства нападавший дошел только в состоянии аффекта.

– У вас есть версия? – осведомился Родин.

– Скорее всего Стрыльников нахамил в какой-нибудь лавке приказчику. В этом ничего удивительного нет, он всегда так делал. Но приказчик оказался человеком гордым и обиды сносить не пожелал. Он пришел к «Монмартру», чтобы объясниться с обидчиком на кулаках, как это принято в среде простого люда. На это указывает отсутствие ран от холодного или огнестрельного оружия. Верно?

– Да, ран в самом деле на теле нет, – Родин кивнул в ответ.

– Стрыльников даже не пожелал выйти, когда приказчик предложил ему это в первый раз. Тогда оскорбленному ничего не осталось сделать, как вернуться и нанести фабриканту оскорбление словом. А может, и что-то вроде плюнуть перед ним на стол.

– Почему такие мысли? – улыбнулся Родин.

– Более пятнадцати очевидцев показали, что Стрыльников не отреагировал на первый визит предполагаемого убийцы, напротив, продолжал пуще прежнего собачиться с официантами, одного даже ударил по лицу. Скорее всего, это и стало последней каплей для оскорбленного приказчика. И в этом я его понимаю. Каким бы ты не был миллионщиком, не забывай среды, из которой вышел, не обижай простых людей!

– Что ж, вполне может быть. Для бывшего арестанта, чтобы расшвырять, вполне достаточно было матерного ругательства, – отметил Родин.

– Точно! Обложить обидчика по матери и броситься вон, готовясь к драке, – так вполне мог поступить неведомый приказчик. Только он никак не ожидал, должно быть, звериной силы и ярости Стрыльникова. Может быть, фабрикант вынул револьвер или кинжал. Опасаясь за свою жизнь, приказчик поднял с земли камень и ударил нападавшего в висок, а потом, испугавшись наказания, бежал. Похоже?

– Похоже...

– Ну слава богу, Георгий Иванович! А то уж я думал, совсем у старого дурня ум за разум зашел! Завтра же мои молодцы всех приказчиков перетрясут, все похождения Стрыльникова прочедем, где он кого обидел, так и выйдем на...

– Похоже-то похоже, – закончил фразу Родин, – только есть тут пара неувязочек.

– Ну вот... – Торопков ссутулился. – Каких же?

– Похищенная карта скальной гряды Шайтан-Кюзгусси. Ее ведь не нашли у Стрыльникова, а он, как мне помнится из показаний официантов, с ней не расставался. Зачем обычному приказчику, да и, если угодно, фатовому малому нужен древний пергамент с указанием, где искать несметные сокровища и невиданное оружие – «Зеркало шайтана»? При чем деньги, перстни, часы, как мы помним, похищены не были.

– А! – отмахнулся сыщик. – Это разве неувязочка? Как раз все складывается как по нотам. Этот приказчик с перепугу полез в карман к Стрыльникову, схватил, что первое в руку попало, – и бежать. А по совести сказать, карта эта – дурная игрушка богатея, и я, равно как и мое начальство, ее во внимание не принимаем. И сокровища эти – сказка на ночь. Да и оружие потому и невиданное, что его никто не видел.

– Хорошо, – улыбнулся Родин довольно притяннутому объяснению и продолжил: – А то, что буквально за час до убийства из краеведческого музея похищена статуэтка золотого витязя, которую считают одним из ключей к тем же самым сокровищам шайтана? При чем она кража чуть не обернулась дипломатическим скандалом из-за покушения на британских подданных! Что это, совпадение?

Торопков поскреб подбородок.

– Это вы правы, да. Снова правы. Но! Если между этими совершенно разными преступлениями существует связь, то это значит, что дело раскрыто!

Родин удивленно привстал.

– Как так?

– Да очень просто. Мы ж задержали того шелкопера, кто англичан прищучил. Ну про фигурку эту речи не было, ей цена-то полполушки в базарный день. А так так пострадавшие от разбирательств отказались, претензий не предъявляли и вообще из губернии уехали, то и дело вроде бы открывать смысла нет.

– Неужто вы егопустили? Быть может, статуэтка и приведет нас к убийце Стрыльникова?

– Нет, шалишь, брат, Георгий Иванович, – радостно рассмеялся сыщик, позволив себе от избытка чувств некоторую фамильярность. – Чтобы да выпустили? Никак нет, в холодной этот гусь сидит. Пойдемте-ка ему перышки пощиплем!

* * *

– Ей-богу не знаю, ваше благородие, клянусь честью! – несчастный газетчик Рабинов опять всхлипнул. – Пальцем я не трогал ни лорда, ни его боксера!

– Честью клянешься, шельма! Знать не знаешь, щучий сын! А нат-ко вот тебе еще! – и красноречивый Радевич отточенным движением приложил бедному Рабинову под дых. – Я тебе покажу, твою мать, понимаешь меня, да, понимаешь? – и сунул журналисту кулак под нос.

Была у Радевича такая манера вести допрос. Прямо на месте усидеть не мог, сразу прибежал к рукоприкладству, ну что тут делать. Уж и жаловались на него кому только можно, и полицмейстер Мамонтов его пытался по-товарищески урезонить, да все впустую. Я, говорит, для государственной надобности ничего не пожалею. Ради отечества, говорит, себя положу. И знай себе мутузит.

А однажды вышел с ним пренеприятнейший казус. Приехал в полицейское управление Старокузнецка какой-то проверяющий из Петербурга. Никого из старших чинов не застал, решил дожидаться, ну и расположился на свою беду в допросной. Полицейское и жандармское управления находились в одном здании и начальники их, Мамонтов и Радевич, каждый день вместе чаевничали. Так вот, пошел Радевич к мамонтовским за бубликами. Идет обратно, видит – в допросной человек сидит. Ну, он, недолго думая, и решил помочь коллегам с дознанием, как он это уже неоднократно проделывал. Зашел в допросную и, по обыкновению, сразу решил все показания из «арестанта» выбить. В общем, отметелил он несчастного ревизора так, что того этим же вечером срочным поездом увезли обратно в Петербург, в госпиталь, с переломами ребер и многочисленными ушибами внутренних органов.

Мамонтов, конечно, на людях-то Радевича всячески журил и порицал, но в приватной беседе очень благодарил и обещал любое содействие перед вышестоящим начальством. Кстати говоря, ревизор этот ведь мог запросто на Мамонтова и накопать. Рыльце-то у всех в пушку.

А Радевича за тот случай сначала понизили в звании, вклеили выговор, лишили наград и уменьшили жалованье. Ну а потом за служебное рвение, да и не в последнюю очередь стараниями Мамонтова, почти все вернули, только вот из подполковников он все никак обратно в полковники прыгнуть не мог. И очень из-за этого переживал.

Теперь вернемся к саратовскому журналисту Рабинову. Полицейские, еле вырвав его из рук разъяренных краеведов, направили в околоток, а оттуда, согласно указанию Торопкова, доставили в полицейское управление. Упитанный вахмистр по фамилии Вышнюк, прихлебывая чай с мармеладом, долго выспрашивал рабиновские фамилию с именем, дату и место рождения, род занятий и так далее. Все заносил в большую тетрадь, медленно и обстоятельно. Потом газетчика увели-таки в холодную поджидать следователя для допроса, а Вышнюк встал, подлил себе кипятку из самовара, взял еще мармелада, полюбовался подушечкой с вышивкой – «думкой», которую ему своими руками сделала жена, чтобы удобнее сидеть было, снова сел за стол, с любовью посмотрел на фотографическую карточку молодой супруги, а затем углубился в чтение книги «О пользе гимнастических упражнений и купания в ледяной воде».

Отоспался газетчик в холодной, попросился выйти по естественной надобности. На обратном пути завели его в допросную, велели дожидаться дознавателя.

Полковник Мамонтов, как уже известно читателю, бросил все силы на дело об убийстве Стрыльникова и, соответственно, никаких распоряжений относительно назначения дознавателя не отдал. Так бы и куковать несчастному Рабинову одному в допросной, если бы, на его

беду, Радевичу не вздумалось именно в это время пойти попробовать вышнюковского мармеладу.

А дальше – как всегда. Увидел в допросной человека, но теперь уж перестраховался. Узнал у Вышнюка, что к чему, да и давай проводить допрос первой степени с пристрастием.

– Давай, выкладывай, иудейская гнида, как дело было, а то я об тебя уже все кулаки отбил, и так далее, – была у Радевича такая привычка, «и так далее» это везде пихать, к месту и не к месту.

– Да я ж уже имел честь докладывать вашему высокопревосходительству, – Рабинов от страха напутал с титулами, но Радевича это несколько успокоило, – что я давно крестился в православную веру!

– А, жид крещеный – что вор прощенный! Ну, говори, скотина, зачем хотел погубить лорда?

– Да я его и пальцем не тронул! А направили меня от газеты из Саратова на выставку в музей. Взял я короткое интервью у лорда, да тот одни общие слова сказал: мол, удивительно, интересно, да все прочее... Так мне ведь надо сенсацию делать, а то редактор семь шкур спустит...

– Так, ну а дальше? – Радевич придвинулся вплотную к писаке, и тот зажмурился. – Дальше-то что, а ну говори, свинья!

– А дальше, – Рабинов протер свою плешь грязно-полосатым, в цвет сюртука платком, – решил я покурить на улице, думал, что же написать про эту выставку, чтобы со службы меня не поперли. Огонька еще у извозчика спросил, у мордатого такого, в красной поддевке. Все меня там видали, ваше высокоблагородие! Тут слышу, шум, грохот, трах! Бабах! Дверь открылась, и вываливается лорд Мак-Роберт собственной персоной! Ну тут грех, конечно, за мной, что не помог я старику. Да только сразу подумал – вот она, сенсация! Скорей подбежал к ваньке и сказал, чтобы гнал во весь опор на телеграф! И это все видали, и не только извозчики. Был там и этакий купчина здоровый, из гостей, он тоже уезжал, в ресторан «Мон-мартр», – вот и у него можете спросить...

После этих слов Радевич сглотнул, а газетчик продолжил:

– У нас-то, знаете как, у газетчиков: кто первый – тот и на коне! Отвыкли мы от человеческих отношений-с...

– А вот привыкай теперь к таким отношениям, щелкопер чертов, – и Радевич вклеил газетчику еще одну зуботычину, но теперь уж не сильную, а так, для порядка. – Когда говорил ты с его светлостью английским лордом, что видел, что слышал? Не крутился ли кто рядом? Вспоминай, тупая твоя голова!

– Да не помню я ничего, ваше высокопревосходительство!.. – Радевич поднял было руку для еще одной затрещины, да ошибка с титулами снова выручила незадачливого бумагома-раку. – А-а, погодите, был там один! Вышел вслед за мной из кабинета директора, да точно так и стоял рядом с лордом!

– Как выглядел, как был одет? Особые приметы?

– Да как приказчик! Я сразу решил, что он, видать, из бакалейной лавки, харчи для банкета притащил, а директор с ним в кабинете рассчитывался. И приметы были: щетина, и усишки мерзенькие, и полотенцем рожа обмотана. Флюс у него, видать, был, аж перекособо-нило всего. И это, это, ваше высокоблагородие, он ведь, как лорд вывалился, тоже сразу прыг в коляску и укатил! Сразу за мной, только поехали они в другую сторону, за купцом этим! Стрыльников, Стрыльников! Вот как его звали, я запомнил! Спросите у него, он видал, как я на улице стоял...

Тут Радевич услышал в коридоре топот ног, и в его голове зародились сомнения, что ему удастся добиться от писак признательных показаний. Он сунул ему под нос свой кулачище и прошипел:

– Ежели не сознаешься, заporю! – и ткнул несчастного костяшкой указательного пальца прямо в солнечное сплетение. Рабинов засвистел, как рыба, извлеченная из проруби, и обмяк на стуле.

В этот момент дверь открылась, и в допросной появились Родин и Торопков. Из-за их широких спин выглядывала кругленькая краснощекая голова Вышнюка.

– Евгений Александрович, опять вы тут самоуправствуете. – Торопков произнес эту фразу, с улыбкой поглядывая на Родину. – Вы уж простите, у нас все по-свойски...

– Арестованный Рабинов только что во всем признался! – довольно ухмыльнулся Радевич, потирая покрасневшие костяшки. – Этот выкrest хотел столкнуть с лестницы английского лорда с целью получения тридцати сребреников за сенсационный репортаж в своей газетенке! – И потом добавил с победоносной улыбкой: – Старый конь борозды не портит!

Торопков, однако, его оптимизм не разделил.

– Опрошенные ямщики показали, что, когда слышали грохот, господин в полосатом сюртуке три минуты как находился на улице. Протоколы имеются.

Радевич сокрушенно крикнул и почесал затылок, совсем как провинившийся ямщик.

– Так что ты там говорил про приказчика, каналья? – гаркнул на газетчика Радевич. – Кто там крутился вокруг лорда, а потом поехал за Стрыльниковым?

– Да-да, – закивал Рабинов, чувствуя, что чаша скорби может его миновать, – приказчик, он-то наверняка и столкнул господина Мак-Роберта!

– И придушил его слугу, и для глумления утащил ту дурацкую фигурку! Вахмистр, перо и бумагу сюда, живо! – снова крикнул Радевич, в пылу допроса позабыв, что он вообще из другого ведомства и полицейским приказывать не может.

Вахмистр вытащил из стола несколько перьев, бумагу и небольшую чернильницу и зачем-то согнулся в поклоне, как японский самурай.

* * *

В своем кабинете Торопков дал волю чувствам.

– Чертов приказчик! Вот за что я всех этих торгашей ненавижу! Только на кой черт ему сдались эти погремушки? Карта, фигурка? Ведь даже сам профессор Смородинов считает историю о сокровищах Ахмет-бея не более чем легендой!

Родин развел руками.

– Значит, кто-то считает это не совсем легендой, раз ради двух, как вы выразились, погремушек, готов убить одного из самых могущественных фабрикантов империи и чуть не лишить жизни известного путешественника, причем подданного другой страны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.